Ирина
Волчок
В КАЛИФОРНИИ
МОРОЗОВ
НЕ БЫВАЕТ

Ирина Волчок

В Калифорнии морозов не бывает

Серия «Все люди – разные»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=589985
В Калифорнии морозов не бывает: Центрполиграф; Москва; 2009
ISBN 978-5-17-119508-3

Аннотация

Страсть, которая мучает человека двадцать лет подряд. Страсть, от которой он не может избавиться, которую не может забыть, о которой написал книгу. Любовь всей жизни. Александра читает эту книгу – и не верит ни одному слову в ней. Потому что эта книга – о ней, и она помнит, что было двадцать лет назад. Двадцать лет назад автор этой книги совершенно сознательно отказался от своей великой любви, выбрав брак по расчету, достаток, карьеру в чужой стране, потому что на родине было слишком трудно…

Содержание

1. Утро 4
Глава 1 49
Глава 2 66
2. День 97
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Ирина Волчок
В Калифорнии морозов не бывает

1. Утро

– Кося, ты просто ленивая! Кося, ты ленивая, как… как… как не знаю кто! – сердито заявила Славка. – И все твои отмазки – это для меня не аргументы! Почему ты не хочешь идти?! Назови хоть одну уважительную причину!

– Славка, отстань от меня, – сказала Александра. – Просто не хочу, и все. По-моему, это очень уважительная причина. И не называй меня Косей.

– Это не уважительная причина! – Славка совсем рассердилась. – Скажи мне, почему ты не хочешь идти, и я скажу тебе, кто ты. И не называй меня Славкой. Особенно при всех. А то уже все начинают так звать.

– Хорошо, Ярослава Вячеславовна, – смиренно согласилась Александра. – А так можно называть? При всех?

– Вы все надо мной издеваетесь, что ли? – возмущенно заорала Славка. – Сами ребенка как попало назовут, а потом сами издеваются!

– Я тебя так не называла, – возразила Александра. – Имя

тебе дала мама. А отчество – папа.

– А ты куда смотрела? – Славка воинственно таращила глаза и надувала щеки. Мимика у нее с детства почти не изменилась. – Ты что, не могла человека защитить?! А еще друг называется! Эх, Кося, Кося… И не уходи от темы разговора. Последний раз спрашиваю: пойдешь или нет?

– Последний раз отвечаю: не пойду! – Александра для убедительности хлопнула ладонью по подлокотнику кресла, помолчала и строго добавила: – И не называй меня Косей.

Подлокотник кресла был мягкий, и хлопок получился не очень убедительным. Но Славка все равно обиделась, посверлила Александру воинственным взглядом, понадувала щеки, потом молча отвернулась и уставилась в окно. Уставилась так пристально, будто мишень там высматривала. У Славки с детства была такая особенность: если вдруг на что-то уставится, – все окружающие тут же начинают смотреть на то же, на что смотрит она. Поэтому, конечно, и Александра тут же уставилась в окно.

За окном было хорошо. Октябрь уже заканчивается, а желтых листьев на деревьях совсем мало. Только у берез верхушки пожелтели. И осиновые листья слегка подернулись красной ржавчиной по краям. Хризантемы еще цветут, подумать только… Тихо, тепло, солнышко такое хорошее. И небо чистое, высокое, синее. Правда, не такое яркое, как посреди лета, но это даже и кстати. Яркое летнее небо не так безупречно гармонировало бы с легкой желтизной берез, позд-

ними хризантемами и изобильными гроздьями красной рябины. Ягод так много, что за ними даже листьев не видно. В прошлом году красной рябины было так же много, говорили, что это к суровой зиме. А зимы вообще, считай, не было. Так, пару недель подержался какой-то незначительный минус, а потом – опять дожди. Александра уже и не помнила, когда последний раз была настоящая морозная зима. Совсем погода с ума сошла.

Наверное, новую шубу покупать не стоит. И тех, что есть, при таких смешных зимах до конца жизни не износить. Надо какую-нибудь из шуб Славке отдать. Кажется, ей больше всех рыжая нравилась. Или белая? Надо обе отдать. А то будет ребенок по морозу опять в чем попало шастать. Ведь когда-нибудь будут же настоящие морозные зимы. Кофтеночка до пупа: мода! Вот интересно, чем мать думает, когда такие тряпочки ребенку привозит? Да то же самое и думает: мода! А что эти модельеры живут во всяких Италиях и Франциях и вряд ли когда-нибудь ходили по зимней России в своих кофтеночках до пупа, – так об этом никто не думает.

– Кося, ты упрямая как осел, – со слезой в голосе сказала Славка, не отрываясь от окна.

Неужели правда плакать собралась?

– Не называй меня Косей, – машинально пробормотала Александра. – Я же сказала: не хочу. И зачем тебе надо, чтобы я пошла?

– Я людям уже пообещала… – Славка запнулась, шмыг-

нула носом и неуверенно посопела. – То есть я не то чтобы прямо вот так вот конкретно пообещала… Ну, в общем, Лерка просила тебя к ним привести… то есть пригласить. Там очень приличное общество будет, очень, ты не сомневайся. Из бизнеса люди, из администрации кое-кто… С телевидения тоже. И вообще…

Александра молчала и смотрела в окно. Славка тоже замолчала, опять принялась шмыгать носом и громко вздыхать, наконец решилась:

– Шеф Вовкин придет. Ну, начальник Леркиного мужа. Это же очень важно, чтобы начальник видел, какие у человека знакомства. Это для карьеры – почти самое главное. Кося, ты ведь и сама все понимаешь, да?

– Не понимаю, – холодно сказала Александра. – Бизнес, телевидение, из администрации кое-кто – что еще твоей Лерке надо? И не называй меня Косей! Сколько раз можно повторять?

– Кося, ну, ты сравнила! – театрально изумилась Славка. – Какая-то местная шушера – и ты!

– И я, заезжая шушера, – подсказала Александра совсем уж холодно.

– Ничего себе! – Славка шарахнулась от окна и забегала по комнате, размахивая руками и натыкаясь на мебель. – Кося, ведь все знают, кто твой муж!

– Ах, муж… – Александра отвернулась от окна и принялась неодобрительно следить за Славкиными метаниями из

угла в угол. – Муж, конечно, а как же, понятно, понятно… Но Максим Владимирович приезжать не собирался.

Славка с разбегу налетела на спинку кресла, остановилась как вкопанная, зашипела сквозь зубы и медленно повернулась. Хотела, кажется, что-то сказать, но встретилась с Александрой взглядом, тяжело вздохнула, надула щеки, набычилась и скосила глаза в угол. В углу стояла большая дорожная сумка. Александра не успела ее разобрать. Может быть, и не стоит? Раз уж тут она желанный гость не сама по себе, а как жена Максима Владимировича. Ишь ты – Вовкиному шефу позарез надо знать, какие у подчиненного знакомства! Может быть, и сама Славка хочет продемонстрировать свои знакомства? Может быть, и ей приспичило срочно карьеру делать? А ведь все время казалось, что растет совершенно нормальной девчонкой.

– Сдался мне твой Максим Владимирович… – Славка надменно фыркнула, быстро глянула на Александру и опять уставилась в угол. – Если хочешь знать, он мне вообще даже и не нравится. Тоже мне, шишка на ровном месте… Ты себе и не такого могла бы найти. Пусть спасибо скажет, что ты за него замуж пошла. А не за какого-нибудь короля или там президента. Или за вообще Шварценеггера…

– Давно я тебя не порола, – грустно заметила Александра. – Ты что, не знаешь, что жене нельзя плохо говорить о муже? В смысле – нельзя плохо говорить о муже в присутствии его жены. Вообще-то ни о ком за глаза нельзя плохо

говорить… И кто только тебя воспитывал, Славка?

– Хе, кто меня только не воспитывал! – Славка с явным облегчением заулыбалась, потопала в угол, подхватила дорожную сумку Александры и поволокла ее на диван. – Главным образом, ты, Кося, и воспитывала. И не называй меня Славкой, сколько можно повторять… Чего это ты в баул напихала? Кирпичи, что ли? Очень кстати. Бабуля давно всем мозги продолбила: надо летний домик строить, надо летний домик… Завтра приедет – как раз и займетесь. Раз уж стройматериал будет… Нет, Кося, правда, что хоть там у тебя? Может, ты сухой паек с собой возишь? Парочку ведерок картошечки, а? Десяточек палочек колбаски копченькой? Консервов всяческих баночек пять-шесть-семь-восемь? А может, ты мне подарочек привезла? Кру-у-упненький? Признавайся, Кося, какие там слитки – золотые самородки, какие бриллианты-яхонты! Я любой крупный бриллиант и самородок приму с большой человеческой благодарностью.

– Иди делом займись, – сурово приказала Александра. – Чайник поставь. У меня со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было. Так-то ты гостей принимаешь, бессовестная. Иди, иди, я сама сумку разберу. Будет тебе крупный подарочек. И бриллианты-яхонты будут, корыстный ребенок. И копченая колбаса будет… Ведь пустой холодильник, да? Так-то ты меня ждала, Славка?.. И не называй меня Косей.

Славка шлепнула сумку Александры на диван, демонстра-

тивно отерла воображаемый пот со лба, выразительно перевела дух и принялась по-хозяйски расстегивать замки. Расстегнула, с жадным любопытством сунула в сумку нос – и тут же отступила, даже отшатнулась, выпрямилась и негодующе заявила:

– Я так и знала! Опять работу привезла! А говорила, что отдохнуть приедешь. Кося, ты обманщица. Раз такое дело, то никогда больше не называй меня Славкой.

Повернулась и пошла к двери, злобно пофыркивая и бубня себе под нос что-то вроде обвинительного заключения. Что-то вроде «приговор окончательный и обжалованию не подлежит». Или, может быть, что-то вроде «диагноз неутешительный, медицина бессильна». Славка всегда бубнила одно и то же, когда в дорожной сумке Александры первым делом натыкалась на увесистые папки с рукописями, требующими прочтения. Славка считала, что подавляющее большинство рукописей, которые Александра обычно привозила с собой, прочтения не требуют. Более того – не заслуживают. В глубине души Александра считала точно так же. Но ведь прежде, чем понять, заслуживает рукопись прочтения или не заслуживает, ее надо было прочитать. Это была ее работа. Работы было много, вот и приходилось кое-что брать на дом. На отдых. Ну и что? Не телевизор же на отдыхе смотреть, правда? К тому же в этот раз она взяла только одну рукопись – первую попавшуюся, даже не посмотрела, кто там автор. Может быть, из таких, которых она не дочитывала и

до третьей главы. Может быть, и в этот раз она прочтет первые двадцать страниц, а потом аккуратно упакует листочки в папку и нарисует на папке красным фломастером маленький крестик. Что будет означать: спасибо, больше не надо. Просьба не беспокоиться. А потом спрячет папку назад в сумку и будет честно отдыхать. А почитать можно и что-нибудь из необъятной библиотеки Михаила Яковлевича, Славкиного деда, царство ему небесное. Удивительный у Славки был дед, просто удивительный. Александра никогда не видела Михаила Яковлевича. Она видела его библиотеку.

Шесть тысяч томов! В домашней библиотеке! И какие книги! Михаил Яковлевич, бесспорно, не мог не быть удивительным, судя хотя бы по тому, какие книги он читал. Уж в чем, в чем, а в книгах Александра кое-что понимала.

– Кося! – нетерпеливо заорала из глубины дома Славка. – Сколько тебя ждать можно? У меня все готово! И еда, между прочим! И не что попало, а деликатесы! Мы тут не нищенствуем, чтоб ты знала! Иди скорей, голодная ты наша. А то я тоже есть хочу…

Александра сунула папку с рукописью в стол, ящики которого много лет назад специально освободили для того, чтобы она при приезде совала туда рукописи. И платяной шкаф уже много лет подряд ждал ее приездов: совершенно пустой, а на штанге болтается десяток разнокалиберных вешалок и мешочек с лавандой. Тумбочка для постельного белья, напротив, забита под завязку подушками, одеялами, простыня-

ми-наволочками-пододеяльниками и полотенцами всех размеров и расцветок. В отдельном отсеке тумбочки – два махровых халата и три ночные рубашки. Рубашки – всегда новые. Александра никогда не спала в ночных рубашках, не любила. В пижаме было гораздо удобней. Но в этом доме ее всегда ждали три новые ночные рубашки. Так трогательно. Надо, в конце концов, хоть один раз какую-нибудь из них надеть.

В дверь сунулась Славка, повела носом, деловито спросила:

– Кося, чего в кухню-то нести? Ведь опять понавезла чего-нибудь, а? Ну, давай помогу волочь, так уж и быть. Эксплуатируют ребенка все как хотят… Вот этот пакет, да? Давай, давай, чего там… А в этом пакете что? Тоже еда? Ну, давай и этот тоже. Ничего, не надорвусь. Мы привычные. Такая наша тяжелая женская доля. Идем уже, чего ты возишься! Потом все разложишь. Между прочим, у меня там омлет по-бразильски. Знаешь, что это такое?

– Нет, – призналась Александра, стараясь, чтобы в голосе не слышался сдерживаемый смех. – Славка, по-моему, ты что-то путаешь. Кажется, в национальной бразильской кухне нет такого блюда, как омлет. Мне ни в одном ресторане ничего подобного не встречалось.

– В ресторане! – презрительно буркнула Славка, вваливаясь в кухню и складывая пакеты на большой и пустынный рабочий стол. – Ты, Кося, вместо того, чтобы по рестора-

нам шастать, зашла бы лучше в скромный дом какого-нибудь простого бразильского гражданина, спросила бы, что ему жена на завтрак готовит, – вот тогда бы и узнала, что такое настоящий омлет по-бразильски.

– А ты что, была в доме простого бразильского гражданина? – Александра с интересом ждала ответа. Действительно с интересом. Славка имела обыкновение на любой вопрос отвечать совсем не так, как от нее ждали. Не врала, нет. И не выдумывала ничего. Но отвечала неожиданно.

– Зачем? – искренне удивилась Славка. – Ты, Кося, все-таки страшно далека от народа. Ты ведь как думаешь? Если хочешь попробовать бразильскую кухню – так надо идти в бразильский ресторан или вообще переться в саму Бразилию, да? Тебе ведь даже в голову не приходит, что простые российские граждане могут знать о простых бразильских гражданах, никогда не покидая своих простых бескрайних просторов. И даже – своих скромных домов. Потому что о Бразилии, Кося, простым гражданам все рассказывают по телевизору. Каждый вечер. Или каждое утро. Это смотря по какой программе.

– А! – догадалась наконец Александра. – Бразильские сериалы! Но ведь, кажется, они все уже давно кончились? Когда это ты успела их пересмотреть? А потом, я что-то не представляю, чтобы в сериале могли рассказывать, как приготовить омлет по-бразильски.

– Не, я не успела. – Славка с сожалением щелкнула язы-

ком. – Когда эти сериалы табуном погнали, я еще маленькая была. А бабуля все пересмотрела. Говорит, там масса ценной информации. Омлет по-бразильски тоже оттуда. Там один бразилец своей бразилихе завтрак готовил, накидал всего на сковородку, потом разболтал в сливках яичный порошок – и тоже в сковородку вылил. А потом сказал: «Я приготовил тебе омлет, любимая». Бабуля говорит, что перевели как «омлет», она хорошо расслышала. А что он там на сковородку кидал – это она разглядела и все записала, чтобы потом не забыть. Так что натуральный омлет по-бразильски, можешь не сомневаться. Только яичный порошок в наших местах достать невозможно, пришлось его свежими яйцами заменить. А за оливковым маслом я вчера специально в магазин ходила, и за сосисками, и за кукурузой, а кабачки свои, в этом году кабачков – как грязи, вся кладовка одними кабачками забита…

Кося, чего ты сидишь, как в гостях? Ешь давай, смотри, как я все красиво приготовила. Можно сказать – почти гламурно. А колбасу твою пока резать не будем, да? Колбасу я свою уже порезала. Где это она? А, в холодильнике… Сейчас выну. Во, и сок еще, чуть не забыла, омлет по-бразильски положено запивать томатным соком.

Александра сидела и с некоторой оторопью смотрела, как Славка сервирует завтрак. Довольно большой обеденный стол и так уже был заставлен тарелками, мисками, салатницами, вазочками и баночками, и в каждой посудине – гора

какой-то еды. А Славка все пыталась найти свободное место, чтобы воткнуть в это изобилие еще несколько тарелочек, вазочек и баночек. И огромную фарфоровую селедочницу. Завтрак? На этом завтраке месяц спокойно могли бы продержаться заблудившиеся в горах туристы. И даже не похудели бы.

– Славка, ты, наверное, кого-то в гости ждала? – виновато спросила Александра. – Вон сколько всего наворочала. А тут я приехала и устроила тебе… облом.

– Я тебя в гости ждала, – обиделась Славка. – Кого мне еще ждать, сама подумай… Вот ведь ты какая, Кося, недоверчивая! Если не приготовлю ничего – так сразу: «Ты меня не ждала», если приготовлю – так: «Ты ждала не меня»! Между прочим, я вчера весь вечер на готовку убила. И все ради тебя. Чтобы ты удивилась и обрадовалась, какая я молодец и вообще… А ты даже не похвалила меня! Кося, разве ты не знаешь, что детей надо хвалить? Особенно если заслужили. А то они вырастают с огромным комплексом неполноценности. И не называй меня Славкой.

– Хвалю. Заслужила… – Александра осторожно попробовала гипотетический омлет по-бразильски. Очень даже ничего. Хотя вряд ли это омлет. Наверняка перевели неточно. Или Славкина бабуля не расслышала. – Но знаешь, Славка, ты никогда бы не выросла с огромным комплексом неполноценности. Или даже с маленьким. Ни с каким. Потому что у тебя врожденный комплекс полноценности. Можно сказать,

мания величия. К тому же твоя врожденная мания величия попала в благоприятные условия и разрослась до нечеловеческих размеров. И расцвела махровым цветом. Просто не знаю, что теперь с тобой делать. И не называй меня Косей.

– Это мы уже помирились, я правильно понимаю? – Славка отвалилась от стола, перевела дух, потрогала живот и опять потянулась к какой-то тарелке. – Кося, ты не сердись, что я тебя к Лерке зазывала… Это так, на всякий случай. Вообще-то я знала, что ты не пойдешь. И Лерку предупредила, что не пойдешь. Да она и не надеялась особо. Так, мечтала слегка. Ну, мечтать не вредно… Омлетика еще положить? Не сомневайся, я уже сто раз такой делала, и пока никто не умер. И та бразилиха из сериала не умерла. Наоборот, в следующей серии еще и ребенка родила.

Славка подмигнула, расплылась в блаженной улыбке и опять потрогала свой живот. Александра насторожилась. Внимательно поразглядывала плоский – даже после такого завтрака! – Славкин живот, подозрительно блаженную Славкину улыбку, слегка осоловелые Славкины глаза… Осторожно спросила:

– Славка, ты что, рожать собираешься? Прямо в следующей серии? Колись по-хорошему.

– Чего это вдруг сразу рожать? – удивилась Славка. – Мы ж с Витькой уже четыре месяца в разводе, и… В общем, твои подозрения меня глубоко ранят. Нет, когда-нибудь я, конечно, соберусь рожать. Может быть, даже неоднократно. Я про-

тив детей ничего не имею. Но – в законном браке и при нормальном отце. И если ты согласишься принять самое активное участие в воспитании моих будущих детей. Двух. Или трех. Кося, ты с тремя справишься? Справишься, куда ты денешься. Тогда решено – трех. Или четырех.

– Трепло, – сердито буркнула Александра, чувствуя облегчение. Оказывается, она все-таки боялась, что Славка может выкинуть какой-нибудь фокус. Например, родить ребенка в следующей серии… Нет, не то чтобы прямо вот так вот боялась, но все-таки… В общем, боялась. – Четверо детей! Славка, ты сама еще совсем ребенок.

– Ну и что? – Славка скорчила надменную мину. – Между прочим, мать была на год моложе, когда меня родила. А ты на два года моложе матери. И между прочим, это ты заставила ее рожать. И ничего, справились, между прочим. Даже когда папаша слинял. И не делай такое лицо, Кося, я давно все знаю. Мне бабуля еще вон когда все рассказала…

– Не говори об отце неуважительно, – строго сказала Александра. – Твои родители разошлись совсем не из-за тебя. И вообще никто не может знать, почему люди сходятся, почему расходятся. Просто так получается, вот и все. Никто не виноват. Ты сама с Витькой разошлась ни с того ни с сего, должна понимать: всякое бывает.

– Ну да, ни с того ни с сего! – Славка саркастически фыркнула, поднялась и стала собирать посуду со стола. – Наивная ты, Кося, просто до опупения. Ладно, не обижайся, я сама

такая же наивная была, когда за него выходила. Любовь до гроба, а как же! Ага… Ему карьеру надо было делать, вот и вся любовь. На моих родных сильно рассчитывал, козел. У меня и мать со всякими нужными знакомствами, и ты – жена олигарха… Думал, что вы его за уши в бизнес будете тащить. Или в политику, я не знаю, чего он точно хотел. Когда я сказала, чтобы не рассчитывал, даже не поверил сначала. А когда поверил – вся любовь до гроба тут же и закончилась. В гробу я видала такую любовь до гроба.

Славка уронила нож, яростно чертыхнулась и потащила посуду к рабочему столу, на ходу возмущенно бормоча:

– Нож упал… Вот ведь мерзкая примета… Опять припрется, козел… Наверное, как-нибудь узнал, что ты приехала… Помириться мечтает… Любовь до гроба… Зараза…

Александра быстро наклонилась, подняла с пола нож и украдкой постучала им по нижнему краю столешницы, пока Славка не видела. Все это – суеверие и мракобесие, конечно, но так, на всякий случай. Если Славка не хочет, чтобы бывший муж приходил, – так лучше, чтобы он и не приходил. Нет ничего хуже, когда бывший муж преследует бывшую жену, даже если преследует с благородной целью – примириться. А вообще-то кто сказал, что это благородная цель? Это они думают, что их цели исключительно благородны. И такими благородными целями можно оправдать любые средства. Всю душу вымотают в процессе достижения своих благородных целей. Следует оградить Славку от этого козла.

– Он к тебе часто припира… э-э… приходит? – осторожно спросила Александра. – Это не опасно? Может быть, тебе какая-нибудь защита нужна? Славка, ты мне лучше все сразу скажи. А то начну выдумывать черт знает что.

– Да фигня все это, – все еще сердито начала Славка. Помолчала, погремела посудой и вдруг захохотала. Отсмеялась, вытерла ладонями глаза и опять сердито сказала: – Не бери в голову, Кося. Это ему защита нужна, козлу. Это ему здесь опасно. Позапрошлый раз я ему всю морду разукрасила, а Моня его чуть не съел. Так что в прошлый раз он даже в калитку входить не стал. Соблюдает дистанцию. Предусмотрительный.

– Славка, ты что, дралась с бывшим мужем? – Александра очень ясно представила эту картину и невольно поежилась: в Викторе было килограммов девяносто при метре восемьдесят семь, а в Славке – не больше пятидесяти, наверное. И то после такого завтрака. Да и ростик у Славки, по нынешним меркам, был так себе – метр шестьдесят пять. Славку всеобщая и поголовная акселерация как-то обошла стороной.

– Почему это чуть что – сразу и дралась? – обиделась Славка. – Ты, Кося, плохо обо мне думаешь. Просто пару раз удачно достала… А потом он уворачиваться стал. Но уходить все равно не хотел, упирался, как козел. Потом Моня пару раз гавкнул. Ну, Витька и чесанул. Как горный козел.

– А тебе его… не жалко? – неожиданно для себя спросила Александра.

Славка опять захохотала.

– Может быть, ты его и не любила?

Славка перестала хохотать и глубоко задумалась. Осторожно поставила посуду в мойку, вытерла руки полотенцем, вернулась к столу, обстоятельно устроилась в креслице и только потом очень серьезно сказала:

– Кося, я не знаю. Я не помню. Может, и не любила. Потому что если любила – как же так сразу все кончилось, да? Но вот сейчас не люблю, это точно. Я не могу любить человека, который с самого начала рассматривал меня как ступеньку карьерной лестницы. Извини за высокий стиль. Но я не представляю, как можно любить ступеньку… По ступенькам ногами ходят. Это любовь, да? Никогда не поверю, что он меня любил. А раз он меня не любил – так и я его любить не могу. Все, тема закрыта.

Александра очень хорошо знала, что те, кто ходит по карьерной лестнице, не могут любить ее ступени. Но вот ступени очень часто любят тех, кто по ним ходит. Восхищаются решительной поступью ходящих. Устилают себя коврами, чтобы им, ходящим, было не так жестко наступать. И ботинки им, ходящим, чистят.

Хорошо, если Славку все это стороной обошло, не оставив синяков на душе.

Они посидели молча, ожидая, кто первый откроет новую тему. Прежняя тема ведь закрыта? Ну и все, и не надо больше об этом говорить. И даже думать не надо. Бедный ребе-

нок… Да ничего не бедный! Уже большая девочка, вон какая умная, самостоятельная, решительная! Никаких причин для тоски. И совершенно незачем прислушиваться к тому, как кольнуло в сердце.

– Славка, ты рыжую шубу носить будешь? – рассеянно спросила Александра, думая совсем о другом. – Кажется, тебе рыжая нравилась… Или белая? А белую будешь носить? В общем, забирай обе. Может, зима когда-нибудь все-таки настанет. Снег, морозы, все как положено. А у тебя опять курточки какие-то игрушечные. Отморозишь все стратегические места – и какие тогда четверо детей? Об одном-то мечтать замучаешься.

Славка села прямо, вытянула шею, надула щеки и вытаращила глаза. Посидела, с видимым трудом держа паузу, потом все-таки не выдержала, подозрительно поинтересовалась:

– Кося, может, ты меня жалеешь, а?

– В каком смысле? – не поняла Александра. – Тебя что, надо жалеть? В чем дело? Признавайся быстро: ничего не случилось? Ты не заболела, нет? Никто не обидел? На работе проблем нет? В ликбезе твоем все в порядке?

– Уж-ж-жасно мне нравится, как ты спрашиваешь, – доверительно сообщила Славка. – Все спрашивают: «Что случилось? Кто обидел? Заболела? Проблемы есть?» А ты про то же, но обязательно с отрицанием: «Ничего не случилось? Никто не обидел? Не заболела? Проблем нет?» Кося, я тебя обож-ж-жаю. Отвечаю по порядку: нет, нет, нет и нет. И –

да, в ликбезе все в порядке.

– Хорошо, – с облегчением сказала Александра. – Молодец. Я очень рада… Нет, подожди, ты меня совсем запутала! О чем мы говорили? А, вот. Если у тебя все хорошо, почему я должна тебя жалеть?

– А ты разве должна? – удивилась Славка. – Мне кажется, меня жалеть не за что. С чего это ты решила шубами меня закидать?

– Да при чем тут жалость? – рассердилась Александра. – Вот ведь глупый ребенок. Просто ходишь почти голяком. Смотреть холодно. А вдруг зима морозная будет?

– Размечталась! – Славка недоверчиво ухмыльнулась и пошевелила бровями. Она с детства умела очень выразительно шевелить бровями. И не упускала случая это умение усовершенствовать. – Зимы вообще не будет, Кося. Глобальное потепление, ты разве не в курсе? Но шубы все равно давай. Обе. Или можно одну, но черную.

– Черная не очень новая, – возразила Александра. – И не очень теплая. И коротковата. И вообще не модная. К тому же я хотела ее тете Наташе отдать.

– Все-таки как с вами, олигархами, трудно! – Славка вскочила и по привычке забегала из угла в угол, размахивая руками. – Новую шубу она домработнице хочет отдать! Да тетя Наташа и не влезет в черную! Тетя Наташа на четыре размера толще тебя! Кося! Ты все-таки думай, кому что раздариваешь!

– Славка, да ты просто жадная! – Александра сделала потрясенное лицо и схватилась за сердце. – Ты завидуешь! И кому? Тете Наташе! И из-за чего? Из-за какой-то тряпки, которая тебе самой совершенно не нужна! Славка, может быть, ты и мне завидуешь? А? Ты уже второй раз про олигархов упоминаешь. Ведь знаешь, что Максим Владимирович никакой не олигарх, а все равно говоришь. Это симптом.

Славка затормозила на полпути, повернула к мойке, принялась возиться с колонкой, пытаясь зажечь газ, сломала несколько спичек, обожгла палец, чертыхнулась и бросила эту затею – все равно колонка не зажжется, напор воды опять никакой. Вернулась в кресло у стола, пососала обожженный палец, подумала и печально призналась:

– Я правда ужасно завистливая. Только я не тете Наташе завидую… вообще никому не завидую, только тебе. При чем тут тряпки какие-то? И олигархи ни при чем, и вообще все это глупости. Я только недавно поняла, почему тебе завидую. Потому что тебя все любят просто так, а не чтобы карьеру сделать. И Максим Владимирович твой мог бы жениться на какой-нибудь министрихе или бизнесменихе, а женился на тебе. Какая от тебя выгода? Никакой карьеры через тебя не сделаешь. А все равно женился. Значит – любит. И мать тебя просто так любит. Нет, ты ей, конечно, очень много помогала, сама бы она вряд ли сумела так… Но все равно просто так любит, не за то, что ты ее вытянула. И я тебя просто так люблю, а не за шубы какие-то. Подумаешь, шубы! Все рав-

но глобальное потепление. За всю мою жизнь я как следует замерзла только один раз. Это когда в прорубь провалилась, помнишь? Ты мне чуть всю кожу не содрала, когда растирала. Мать тогда ревела очень, и ты ее выгнала из комнаты. А потом еще и ее растирать пришлось, потому что она в одном халате на морозе «скорую» ждала и сама вся обморозилась… Нет, сейчас я не про это хотела… Я про зависть, да. Главным образом – из-за Максима Владимировича. Вот почему твой олигарх тебя просто так любит, а на мне какой-то козел из-за карьеры женится? Кося, вот скажи мне честно: что со мной не в порядке? Ну, что ты так смотришь? Я дура, да? Ты меня презираешь, да?

– Поплачь, если хочешь, – предложила Александра, отводя глаза.

Она бы и сама сейчас поплакала. Как ступенька карьерной лестницы, которую уверенные шаги затоптали до синяков. Но все-таки не до смерти.

Не будет она плакать.

– Не буду я плакать, – злобно рявкнула Славка. – Чтобы плакать из-за всяких козлов! Еще он из-за меня поплачет, вот увидишь!

– Не злись, Славка, это… неконструктивно, – неловко сказала Александра. – Я думала, у тебя все прошло уже. А ты до сих пор переживаешь. Не надо, Славка. Все постепенно пройдет, вот увидишь…

– А ты откуда знаешь? – Славка разозлилась еще боль-

ше. – Откуда ты знаешь, пройдет или не пройдет? С тобой так не было! Тебя так не оскорбляли! Тебя правда любили, а не с расчетом! Ты не знаешь, как это…

– Правильно, сейчас плакать не стоит, – перебила Александра. – Потом как-нибудь, в свободное время. Ты же скоро к Лерке должна идти, да? Ну вот, не идти же зареванной. Ты говорила, что надо ей помочь с чем-то. Готовить? Столы накрывать? Порядок наводить? Значит, вернешься переодеться перед этим ее званым вечером. Я тебе кое-что интересное привезла. Пойдем, примерить надо, а то у меня кое-какие сомнения насчет длины.

Никаких сомнений ни насчет длины, ни на какой-нибудь другой счет у Александры не было – и быть, конечно, не могло. Вот уже три года всю одежду, которую Александра выбирала для Славки, она сначала примеряла на себя. И всегда все совпадало до миллиметра – Славка к девятнадцати годам как выросла точно до параметров Александры, так с тех пор и не изменилась. Даже странно, в кого она такая уродилась: родители у нее были крупные, ширококостные, широкоплечие, бабушка – еще и откровенно толстая, а дед, говорят, вообще был гигантом. Богатырем. «Дюймовочка у Гулливеров родилась», – говорила мощная Славкина бабушка. «В семье не без урода», – говорила бесцеремонная Славкина мать, тоже вполне мощная. «Кося, хорошо, что я в тебя пошла, а не в своих предков», – говорила Славка, когда была маленькой. Впрочем, когда выросла, говорила то же самое.

Она всерьез считала, что Александра каким-то не известным науке способом передала ей свои гены. Вообще-то многие знакомые считали их родней. И правда – совсем чужие люди разве могут быть так похожи? Не только внешность, но и походка, жесты, голос, смех. Славкина бабушка считала, что Славка просто подражает Александре, потому что с самого Славкиного рождения они были почти все время вместе. А то, что волосы у обеих совершенно одинакового цвета – так это чистый случай. Игра природы. Бывает, и у жгучих брюнетов рождаются белобрысенькие дети. Хотя белобрысенькой Славку могли посчитать только цыганисто-смуглые мама с бабушкой – в сравнении с собой. У Славки были волосы редчайшего цвета, – что-то среднее между старой древесиной и старым сеном. Бежевато-серые, с легким серебристым сиянием сухого ковыля. «Зимняя белка», – говорила романтичная Славкина бабушка. «Дорожная пыль. Только что блестит», – говорила неромантичная Славкина мать. «Кося, хорошо, что я в тебя пошла», – говорила Славка, любуясь в зеркале своими волосами, точно такими же, как у Александры. Александра ничего не говорила, потому что волосы у нее были крашеные. Вот уже почти пятнадцать лет она красила волосы в цвет, который даже выбрала не сама, – парикмахерша что-то случайно намешала, вот и получилась зимняя белка. Старое сено и сухой ковыль. А у Славки от природы так получилось.

– Ты знаешь, а мне нравится, – важно сказала Славка, с

пристрастием рассматривая себя в новом костюмчике в зеркале, оглаживая ладонями бока и кокетливо отставляя ножку. – Немножко консервативно, но это как раз хорошо, это стиль, это я люблю. Кося, просто удивительно, как ты мои вкусы изучила.

– Ну, так уже сколько лет изучаю, – так же важно откликнулась Александра.

Они встретились взглядами в зеркале и одинаково хмыкнули. Обе знали, что вкусы у них тоже одинаковые, так что чего там изучать…

– Да, нам очень идет этот костюм, – с удовольствием отметила Славка. – Особенно штаны. Я как-нибудь дам тебе поносить. Главное – к этому никаких шпилек не надо. Шпильки очень вредны для здоровья.

– И походка от них меняется, – добавила Александра.

Это была давно сложившаяся формула, объясняющая причины их нелюбви к высоким каблукам. Нелюбовь к высоким каблукам у них была тоже общая.

– Переодевайся, – велела Александра. – Тебе, наверное, уже к Лерке пора. Чайку попить успеем? А то наелись, как удавы, а чайком не запили. Я нашего любимого лукума привезла, турецкого, с грецкими орехами и розовыми лепестками.

– А я нашего любимого печенья напекла. Сама! – гордо похвасталась Славка. – Которое на рассоле. Только в этот раз не с орехами, а с семечками. Орехи я нечаянно сожрала до

того, как печенье затеяла. Но с семечками мы тоже любим, да?

Гастрономические пристрастия у них тоже были одинаковыми.

У них все было одинаковым.

Многие думали, что Александра – мать Славки. Особенно когда Славка училась в школе. В первый класс Славку привела Александра. На родительские собрания ходила Александра. Претензии учителей по поводу Славкиного поведения выслушивала Александра. На выпускной вечер тоже Александра пришла. Вовсе не потому, что Людмила совсем забросила дочь. Просто так получалось, что ее обязательные поездки совпадали по времени с необходимостью появиться в школе родителям. Появлялась Александра. Как родительница. Вот все и привыкли. И Александра постепенно привыкла, перестала вздрагивать, когда к ней обращались «мама Ярославы Язовской», на советы типа «мамаша, вы бы объяснили дочке, что девочка не должна драться с мальчиками» покладисто отвечала: «Ладно, я обязательно объясню». Она вовсе не пыталась отодвинуть Людмилу на задний план, занять ее место в сердце дочери… ну, наделать каких-нибудь глупостей. Она никогда сама не представлялась матерью Славки. Но и не разубеждала тех, кто думал, что она мать. Думают люди – вот пусть и думают. Зачем мешать чужому мыслительному процессу? Она-то никого не обманывает, просто так само собой получилось.

На самом деле в глубине души Александра с самого первого дня Славкиной жизни была абсолютно уверена, что Славка – именно ее дочь.

Ну, родила Людмила, ну и что? Мало ли кто кого родил. А Людмила даже и рожать не хотела. Пришлось ей пару раз по физиономии надавать, чтобы захотела. Потом они еще пару раз вместе поплакали. Потом вместе объяснялись с Людкиной матерью. Потом Людка мужа прогнала. Потом родилась Славка. Потом, в роддоме, Александра взяла на руки неожиданно легкий розовый конверт с кружевами, заглянула под кружевной угол, увидела крошечное недовольное личико с крепко зажмуренными глазами и вслух сказала: «Какая же ты у меня красавица!» И страшно смутилась, подняла глаза на Людку и ее мать, начала было придумывать объяснения своим неосторожным и неуместным словам, но тут Людка с матерью переглянулись, одинаково заулыбались и почти в один голос сказали: «У тебя, у тебя, чего там… И у нас тоже, если ты не против». Она была совсем не против. Одной ребенка растить все-таки тяжело. А мать и бабуля Славки были здоровые, энергичные, веселые, добродушные… В общем, незаменимые помощницы. Да и вообще хорошо, когда ребенок растет в большой семье.

…Они сидели за кухонным столом, освобожденным почти от всех тарелок, мисок, вазочек и банок, и неторопливо пили чай с турецким лукумом и Славкиным печеньем с семечками. Уютно молчали, открыто разглядывая друг друга.

Любуясь друг другом. Александра почему-то была уверена, что Славка любуется ею точно так же, как она – Славкой. Хотела даже спросить, так ли это, но пока мысленно формулировала вопрос, который не показался бы смешным, Славка спросила первая:

– Ты ведь считаешь, что я тоже красивая, правда?

– Правда, – согласилась Александра. – Считаю. А почему «тоже»?

– Ну, потому что я на тебя похожа, – объяснила Славка, явно удивленна ее непонятливостью. – Ведь я похожа, правда? Ну вот, тогда – однозначно красивая… Кося, чего хоть ты ржешь?! Ты считаешь, что я на тебя не похожа? Тебе смешно? Ну, коне-е-е-ечно, у меня же мания величия!

– Это у меня мания величия, – призналась Александра, отсмеявшись. – Представляешь, вот только что смотрела на тебя и думала: «До чего же Славка у меня красивая»! И к тому же мы похожи, как мать и дочь. И не называй меня Косей.

– Нет, на мать ты не похожа, – решительно сказала Славка. – Лерка говорит, что мы с тобой похожи, как родные сестры. И не называй меня Славкой.

– Это мы опять ссориться начинаем? – помолчав, подозрительно спросила Александра. – Нет еще? Тогда вопрос, если можно: какого черта ты против Славки имеешь? Всю жизнь была Славкой – и ничего, как так и надо.

– Лерка говорит, что это не женственное имя… Вообще мужицкое… – Славка надула щеки, отвернулась и присталь-

но уставилась куда-то в угол. – А ее Вовка сказал, что у женщин с мужскими именами не складывается личная жизнь.

– Стало быть, у его Валерии тоже личная жизнь не сложилась? – с сочувствием спросила Александра. Не выдержала и оглянулась: где там мишень, на которую Славка уставилась? Никакой мишени в углу, конечно, не было. – Славка, не смотри по сторонам, ты меня отвлекаешь… Да, так о чем мы? О Валерке. Одно из двух: или ее Вовка считает это ужасное имя очень женственным, или ее личная жизнь все-таки не сложилась. Вот интересно, а что они думают о моем имени? И о моей личной жизни? А то, что твою бабулю зовут Евгения, – это их не смущает? Ты думаешь, что вот эта кличка, которую тебе придумала Лерка, – это лучше? Ява! «Ява» – это такой сорт сигарет раньше был. И одноименная табачная фабрика. Может быть, и сейчас есть, я не знаю. Ты хочешь быть табачной фабрикой? Уж лучше пусть они тебя называют Зайцем, как все. Или Росей, как бабуля называет. Или в их очень-очень приличном обществе табачная фабрика звучит гламурней? Лично я считаю, что у нас очень хорошие имена, а кому не нравится – тот… карьерист.

Она хотела сказать «козел», но в последний момент передумала. Незачем подавать ребенку дурной пример.

– А кому не нравится – тот козел! – энергично заявила Славка и выразительно пошевелила бровями. – Кося, не злись. Чего ты уж так-то разбушевалась? Зови меня хоть Петей, если хочешь. Я же тебя Косей зову. Слушай, правда, по-

чему я тебя Косей зову? Вот интересно: всю жизнь зову, а почему – не знаю!

– Ты не помнишь? – удивилась Александра. – Странно, мне казалось, что об этом при тебе говорили, когда ты уже большая была, могла бы и запомнить. Кося – это крестная. Когда ты говорить начала, то и мать, и меня мамой называла. Пришлось тебе объяснять, что я не мама, а крестная. «Крестная» – это для годовалой трудное слово, да и непонятное. Ты сначала говорила Косьяя, а потом сократила до Коси. Так и привыкла.

– Значит, я крещеная? – удивилась Славка. – И ты меня крестила? Во дела… Я правда ничего не помню. И никто мне об этом не говорил, кажется. Кося, а я ведь креститься хотела! Потому что думала, что некрещеная! И еще хотела попросить тебя крестной матерью быть! Но не знала, как ты на это дело посмотришь! Я же думала, что ты тоже не крещеная! Тогда надо было сначала тебя крестить! А вдруг бы ты не захотела? А оказывается, что все уже давно устроилось! Кося, погоди… А почему ты говоришь, чтобы я не называла тебя крестной?

– Ты называешь меня не крестной, а Косей, – терпеливо напомнила Александра. – Совсем разные слова. И производные от них разные. В общем, Максим Владимирович один раз назвал меня Косенькой… При большом скоплении народа.

– Ой, какой он у тебя хороший, – умилилась Славка. –

Хоть и олигарх. Ласковый. Любит тебя, правда?

– Славка, ты тоже слова не чувствуешь? – огорчилась Александра. – Ты вслушайся без предубеждения: Косенька! Косенькая! Косая! Поняла? Тебе бы понравилось, если бы собственный муж при народе тебе такое сказал? Мне, например, не понравилось. Я с ним потом даже поссорилась.

Славка захохотала.

– Вот видишь, – грустно сказала Александра. – Даже ты надо мной смеешься. А чужим – тем более смешно. Косенька! Еще бы…

– Я не поэтому! – сквозь смех крикнула Славка. – Я потому, что ты с ним поссорилась! Ой, не могу! Ну и как, удалось? Он-то с тобой поссорился? Или хотя бы заметил, бедненький, что ты с ним поссорилась?!

– Ну, как тебе сказать, – уклонилась от прямого ответа Александра. – У него тогда было совсем мало времени… срочное дело… идти надо было, люди ждали. В общем, мне кажется, он так и не понял, почему мне не нравится быть косенькой. До сих пор иногда так называет. Правда, без свидетелей.

Славка опять принялась хохотать – взахлеб, увлеченно, до красных пятен на щеках и слез на глазах. Потом вдруг резко посерьезнела, долго молчала, надувая щеки и выискивая пристальным взглядом мишень за окном, вздохнула и почему-то сердито сказала:

– Вообще-то ты правильно за него замуж вышла, а не за

короля какого-нибудь. Или хоть бы даже Шварценеггера. Я бы тоже за такого вышла. И наплевать, что не олигарх. Только такие уже перевелись все. Или нет? Ты как думаешь, Кося?

– В твоем возрасте я думала точно так же… – Александра вздохнула. – И потом еще долго так же думала. Да все, наверное, так же думают хоть когда-нибудь, хоть раз в жизни, хоть от плохого настроения, хоть от обиды. Мы с тобой, Славка, совсем не исключение. Мы с тобой среднестатистические женщины со среднестатистическими представлениями о среднестатистических мужиках. Так что заканчивай страдать и собирайся к Лерке.

– Не хочу, – скучным голосом сказала Славка. – Передумала. Они все козлы. То есть карьеристы. И мне посуду еще мыть надо. А колонка не фурычит. Придется в ведре греть. В общем, некогда мне.

– Но ты же обещала, – напомнила Александра. – Придется идти. Лерке действительно нужна твоя помощь. А посуду я сама помою, чего там посуды-то? Как это ты тогда сказала? А, да – отмазки.

Не ищи отмазки, Славка. Пообещала – делай. Не собираешься делать – не обещай.

– Я знаю… Ладно, пойду, что ж теперь… – Славка еще немножко поскучала и вдруг оживилась: – А кому не нравится мое имя, тот пусть свою дочку рожает и ее табачной фабрикой называет. Да? Ну вот, я Лерке так и скажу. Кося,

я твои мокасины надену, ладно? И джинсы. И свитер. Лерка сдохнет. А потом в новом костюме приду, и она опять сдохнет. А при гостях буду называть ее Валерой. И тогда пусть ее Вовка сдохнет. Ну, чего ты сидишь? Снимай штаны скорей, мне уже идти пора, а ты сидишь! Халат пока надень, там в тумбочке халаты теплые… А, да, ты же халаты не любишь! Ну, тогда мой спортивный костюм возьми, если хочешь. Кажется, он в большом шкафу. Или в ванной. Давай, давай, раздевайся, нечего тормозить! Воду не грей, часа через полтора нормальный напор будет, колонку зажжешь – и нуль проблем. А лучше – ну ее, эту посуду, потом помоем, а ты отдыхай себе изо всех сил. В ванне посиди. С Моней поиграй. И не закармливай его, он и так уже жирный, как не знаю кто. Все время что-нибудь выпрашивает – не потому, что голодный, а от жадности. Совсем зверь обнаглел. Его обед – на плите, в желтой кастрюле. Твой обед – в холодильнике. Я грибного супчику наварила, из шампиньонов. Мы ведь любим из шампиньонов, правда? Я тоже пообедать приду. Если успею. Кося! Ну, где ты там?!

Александра все еще сидела за кухонным столом, спокойно допивала чай и с удовольствием прислушивалась к тому, как Славка мечется где-то в глубине дома, стуча ящиками столов, хлопая дверцами шкафов, время от времени что-то роняя и безостановочно говоря. «Летает, как стриж перед дождем», – говорила в таких случаях романтичная Славкина бабуля. «Шарахается, как ошпаренная кошка», – говорила

бесцеремонная Славкина мать. «В ее годы мы все вели себя точно так же», – говорила Александра. Врала. Она в Славкины годы вела себя как немая свежезамороженная килька. И терпеть не могла всякие званые вечера. Наверное, это было единственное различие между ней и Славкой.

Славка ввалилась в кухню полуголая и с ворохом каких-то одежек в руках. Недовольно сказала:

– Сидишь. Конечно! Тебе-то никуда идти не надо. А ребенок – хоть пропадай… Все самой приходится делать, все самой! Вот, спортивный костюм я тебе сама нашла. И свитер другой в твоей сумке нашла. Я лучше его надену, ты ведь не против, правда? А штаны снимай, они прямо как раз под этот свитер. Ну, пойдем переодеваться, что ты все время сидишь и сидишь…

– Пойдем, – согласилась Александра, со вздохом поднимаясь из-за стола. – Славка, из тебя получится классическая свекровь. Или теща. Еще более классическая. Прямо из анекдотов. Склочничаешь и склочничаешь, никакого покоя от тебя нет. Ой, замучаешь ты невестку, ой замучаешь… И зятя тоже замучаешь.

– Ну, это когда еще будет! И потом, может быть, не так уж и замучаю. Я же на тебя похожа? Ну вот. Так что вряд ли замучаю.

Славка сунула Александре в руки часть одежек и пошла впереди нее в большую комнату, к шкафу с зеркалом. Потому что зеркало подтверждало их похожесть, и обеих это

радовало. Александра с некоторым смущением подозревала, что ее это радует больше. Но надеялась, что и Славку тоже радует. Славка тут же оправдала ее надежды: влезая в джинсы Александры и поглядывая в зеркало на то, как Александра влезает в старые спортивные штаны, довольным голосом сказала:

– Все-таки хорошая у нас фигура, правда, Кося?

– Вообще-то у нас две фигуры, а не одна, – учительским тоном заметила Александра, стараясь не показать, как она довольна тем, что Славка оправдала ее ожидания.

– Хе, какая разница? Все равно одинаковые. И вообще, может, это у нас в глазах двоится… Все! Я побежала. Если что – звони. Моню не закармливай. Посуду не мой. Жди меня. Я скоро.

И унеслась, как стриж перед дождем. Как ошпаренная кошка. Как нормальная двадцатидвухлетняя девчонка, которой и положено так носиться. Как Александра никогда не носилась в ее возрасте. Потом, правда, тоже никогда не носилась. Но это ведь не такое уж существенное различие между ними, правда?

Александра немножко посмотрела вслед своему двадцатидвухлетнему двойнику – ну, почти двойнику, – постояла на открытой веранде, с удовольствием рассматривая желтеющие верхушки берез и стойкие хризантемы на клумбе за будкой Мони, подышала свежим осенним воздухом и вернулась в дом.

Она вернулась в дом. Вот что было в этих ее поездках «на отдых» самое главное – она возвращалась домой. Никакое жилье никогда не казалось ей более родным, чем этот дом, построенный почти сто лет назад совсем не для нее. И даже не для Славки. И даже не для Славкиной бабушки. Дом был построен для большой небедной купеческой семьи. Потом в нем жили несколько семей бедных пролетариев, потом он, естественно, стал рассыпаться. Потом его обитатели почти все ушли на войну или сгинули в лагерях, потом он почти сгорел, а потом его у единственного оставшегося в живых ответственного квартиросъемщика выменял на двухкомнатную квартиру со всеми удобствами Славкин дед, легендарный Михаил Яковлевич, царство ему небесное. Михаил Яковлевич был директором какого-то закрытого завода и членом бюро обкома партии, поэтому ему разрешили произвести такой странный и подозрительный обмен. Ведь правда подозрительно: мог бы выбить себе квартиру получше или даже вторую – для детей, а он вместо этого свою отдал за какую-то развалюху. Никому не приходило в голову, что Михаил Яковлевич просто хочет свой дом. Родной дом. Не казенную квартиру, пусть даже и с видом на обком, а безоговорочно свой дом, который он сам сделает таким, каким захочет, и который у него никто не сумеет отобрать. И у его жены. И у его детей. И у его внуков. Говорят, Михаил Яковлевич строил, перестраивал, благоустраивал и усовершенствовал свой дом чуть ли не до последнего дня жизни. Михаил Яковлевич

умер двадцать три года назад. Последние двадцать три года никто ничего в доме не перестраивал и не усовершенствовал. А дом вел себя как молодой, ни половицами не скрипел, ни трубами не ржавел, ни проводкой не искрил… Еще сто лет простоит. Но даже и не это самое главное. Самое главное – это то, что Михаил Яковлевич, царство ему небесное, достиг своей цели – сделал дом безоговорочно своим для всех, кто в нем живет. Родным. И для Александры, почти двадцать лет назад впервые поселившейся в этом доме, этот дом сразу стал родным. Сразу – и навсегда. Наверное, даже их с Максимом квартиру она не считала родной до такой степени. Нет, там ей было тоже хорошо, зачем Бога гневить… Но здесь было лучше. Поэтому она при всем своем отвращении к любым поездкам приезжала сюда часто. Хотя бы раз в месяц, хотя бы на пару дней. Здесь был настоящий отдых, глубокий, до самого донышка души, никакие санатории с этим не сравнятся. И работалось здесь очень хорошо.

Да, кстати, о работе. Надо разложить вещи и наконец-то посмотреть, что за нетленку она в этот раз с собой привезла. Вчера, убегая с работы, она схватила, не глядя, верхнюю папку из той стопки, которая считалась срочной. В эту стопку попадали новые романы уже более-менее известных издательству авторов. Или – не известных никому, кроме начальства. Время от времени какие-нибудь племянницы финансового директора или тетки главного юриста сочиняли что-нибудь гламурное или, напротив, концептуальное и си-

стематическим чтением своих рукописей по телефону доводили своих родичей до такого отчаяния, что те подсовывали опусы племянниц и теток редакторам издательства. Вот этих племянниц и теток, будь они хоть сестрами или бывшими одноклассницами, Александра не любила. Правда, однажды ей удалось из этого болота безумной графомании выловить тетку, которую вполне можно издавать. Но и это оказалось напрасным трудом: тетку издали, а писать она больше не стала. Стала шарахаться по всяким тусовкам с первой – и единственной – книжечкой и жаловаться всем, как безобразно мало платят в этом издательстве настоящим писателям. Уже несколько лет прошло, а она все шарахается. И в Интернете свой сайт слепила, рассказывает всему миру о своей творческой лаборатории. Хоть бы уж эта папка оказалась не из тех, которые влезают в издательство по генеалогическому древу…

Александра разложила и развесила свои вещи, поставила на огонь чайник, убрала все с кухонного стола, нашла в сумке свою любимую ручку и вынула наконец из ящика стола привезенную с собой папку. Отнесла ее в кухню, положила на стол, устроилась в кресле поудобней и стала ждать, когда закипит чайник. Папку не открывала. Вот закипит чайник, она нальет себе чайку, поставит чашку слева от папки, вдумчиво выберет из вазочки пару конфет, положит их справа от папки… А потом уже откроет папку. Предвкушение – вот что это было. Радостное ожидание неизвестного, как перед

свиданием. Хотя никаких таких радостных ожиданий перед свиданиями Александра не помнила. И самих свиданий не помнила. Наверное, у нее просто никогда не было никаких свиданий. Или были? Нет, не помнит. Да это сейчас и не важно, сейчас важно то, что ждет ее в этой папке. Только бы не тетки-племянницы…

Чайник наконец-то закипел, чай был налит в любимую чашку, чашка поставлена – слева, конфетки выбраны и положены – справа. Предвкушение разрослось до неприличных размеров. Александра задержала дыхание и открыла папку.

Опаньки… Это даже не распечатка набора, это уже верстка! Это значит, кто-то уже без нее решил, что книгу обязательно надо печатать. Что могло означать одно из двух: либо в издательство каким-то ветром занесло раскрученного и очень востребованного автора, либо это все-таки тетка-племянница. И не чья попало, а как минимум – генерального директора. Потому что уже верстка готова. Без всякой редакторской читки. Вот интересно: зачем ей-то верстку подсунули? Чтобы она грамматические ошибки правила? Ни стыда ни совести у людей… А, вот и руководство к действию к первой страничке подколото: «Шурочка Пална, посмотрите, пожалуйста, побыстрее, это обязательно пойдет, только надо разбить на главы и название поменять. Заранее спасибо большое-большое-большое! *Ю. С.*». Ага, все-таки не генеральный директор. Но жена генерального – тоже руководящая и направляющая сила. Какая там племянница у нас

в авторах нынче ходит? Опять – опаньки! Нынче в авторах у нас даже не племянница, а племянник. Это уже вообще ни в какие ворота. Александра все-таки работает на сентиментальной прозе, как это теперь туманно называется. Но всем же ясно: любовный роман, без вариантов. То есть варианты бывают, но до такой степени незначительные, что их можно смело списывать на погрешность эксперимента. Чтобы любовный роман в издательство принес мужик – такого варианта Александре до сих пор не попадалось. Или это что-то концептуальное? Мужики очень любят писать что-нибудь концептуальное. Потому что если не концептуальное – тогда нужно придумывать сюжет, следить за смыслом, писать хотя бы грамотно и вообще представлять себе, о чем там речь идет… Если это что-нибудь концептуальное – она читать не будет. Она лучше почитает что-нибудь из библиотеки Михаила Яковлевича. Шесть тысяч томов. Вполне можно найти сентиментальную прозу. Кажется, там и Жорж Санд была.

Александра машинально заглянула под руководство к действию, приколотое к первой странице, и увидела название: «Любовь пройдет, когда придет мороз». Да уж, за одно такое название рецензенты вытрут об автора ноги. И будут правы. И кто же у нас автор? Нет, совершенно незнакомое имя. Наверное, псевдоним. Прячется, зараза, понимает, что мужику писать любовные романы стыдно. Или это все-таки не любовный? Тогда зачем его ей подсунули? Тьфу ты, по второму кругу пошло. Надо не вычислять кто, что и почему,

а просто решить: читать или не читать? Наверное, не читать.

Александра захлопнула папку, встала и забегала по кухне из угла в угол. Стукнулась коленом о табурет, стоящий под окном, раздраженно чертыхнулась – и тут же развеселилась, подумав, что сейчас она ведет себя точно так же, как Славка. Двадцатидвухлетний двойник. Ошпаренная кошка. Стыдно, Кося. Ты отдыхать приехала? Вот иди и отдыхай.

Иди, иди. Папочку-то не оставляй, папочку-то прихвати с собой, папочка-то – часть твоего отдыха. Между прочим, именно из-за этой папочки ты отказалась идти со Славкой к этой ее подруге с очень женственным именем Валера. А вовсе не потому, что все они козлы. То есть карьеристы. Выходит, и со Славкой поскандалила именно из-за этой папочки.

Придется читать.

Александра подхватила папку со стола, зачерпнула из вазочки горсть миндаля в шоколаде и решительно отправилась отдыхать по привычному сценарию: валяться кверху пузом на диване и читать очередную рукопись. То есть уже верстку. Вот зараза. Да еще автор – мужик. Она могла спорить на что угодно, что текст начинается с «Я…». Или, в лучшем случае, с «Меня…», «Мной…», «Мне…», «У меня…».

Она долго обустраивала свое рабочее место – свое место привычного отдыха, – положила в изголовье дивана две жесткие подушки, придвинула вплотную к дивану журнальный столик, сбегала в кухню за дополнительной горсткой миндаля в шоколаде, заодно уж налила еще чашку чая,

устроила на журнальном столике все, чтобы было под рукой, плюхнулась на диван, повозилась немного, перекладывая подушки то повыше, то пониже… Почувствовала, что предвкушение возвращается. Открыла папку. Оторвала руководство к действию, приколотое к первой странице, смяла в тугой комок и бросила на пол. Перечитала название: «Любовь пройдет, когда придет мороз», аккуратно зачеркнула эту дурь любимой ручкой. Над текстом написала: «Глава 1». Начала читать: «Я приезжаю сюда каждые выходные»… Засмеялась. Все-таки как жаль, что спорить было не с кем. Если бы здесь был Максим, она бы поспорила с ним. И выиграла бы… выиграла бы… что-нибудь выиграла бы. Максим сам придумал бы, на что спорить. Он такие вещи всегда сам придумывает. Жаль, что Максим не поехал.

На столике басом зажужжал телефон, расталкивая вибродозвоном миндаль в шоколаде. Александра схватила трубку – вот он, легок на помине!

– Максим! – радостно закричала она. – А я только что о тебе думала! Вот только что! Секунду назад!

– А сейчас уже не думаешь? – озабоченно спросил муж.

Александра засмеялась. Нет, зря она обвиняет Максима в том, что он слова не чувствует. Все он прекрасно чувствует, просто иногда притворяется. Просто так, от природной хитрости ума. Или чтобы ее подразнить.

– Все ты прекрасно чувствуешь, просто меня дразнишь, – сказала она, совершенно не думая о том, правильно он ее

поймет или неправильно. Или совсем не поймет. С Максимом можно было говорить не задумываясь. Почти как со Славкой. – Ты чего так долго не звонил? Знаешь, а Славка называет тебя олигархом!

– Я тебя не дразню, – с подчеркнутым испугом в голосе быстро заговорил Максим. – Как ты могла подумать, что ты, что ты… Или ты хочешь, чтобы, наоборот, дразнил? Тогда ладно, я согласен, как скажешь… Славка молодец, на три метра под землей видит. Я же тебя честно предупреждал, что буду олигархом. А ты не верила. Не верила, да? Все равно когда-нибудь буду. Шуренок, я соскучился. А сама чего не позвонила? «Билайн» свой экономишь? Жадница.

– От эм-тэ-эса слышу, – перебила Александра. – Лучше скажи, ты приехать не сумеешь? Тут еще практически лето! Хризантемы цветут! Представляешь?

– Нет, у меня завтра правление. По-вашему, по-литературному – сходняк… то есть редколлегия. Давай через пару недель вместе туда смотаемся? Будем вместе гулять по центральной улице деревни и нюхать хризантемы.

– Через две недели! – возмутилась Александра. – Да через две недели может снег выпасть! Ведь середина ноября будет! Какие хризантемы мы будем нюхать в середине ноября?!

– Никакие, зато вместе, – возразил Максим.

Александра помолчала, повздыхала в трубку и шепотом призналась:

– Максюха, я тебя люблю.

Муж тоже помолчал, посопел и важно сказал:

– Я в курсе. Я всегда в курсе всех эпохальных событий и судьбоносных фактов, если ты заметила. А почему ты наконец раскололась? Ничего такого не случилось? Или просто с недосыпу? Опять после дороги спать не стала? Опять улеглась на переднем крае трудового фронта?

– Улеглась, – согласилась Александра. – Ты бы знал, как хорошо здесь лежится, на переднем-то крае! Ой, как хорошо-о-о… Только мне нынче какого-то мужика подсунули. Представляешь? Мужик, а пишет про любовь! Хотя, может, и концептуалист какой-нибудь. Еще почти не начинала читать.

– Какой еще мужик? – зловещим голосом поинтересовался Максим. – Ты мне это прекращай – чужих мужиков читать! Приличные женщины чужих мужиков не читают! Тем более – не редактируют! Если будешь чужих мужиков читать, то я… то я… знаешь, что сделаю?

– Что ты сделаешь? – с любопытством спросила Александра.

– Я ваше издательство разорю, – пообещал Максим.

– И я потеряю работу! – трагически вскричала Александра. – Лишусь куска хлеба! На старости лет! Максим Владимирович, неужели все олигархи так безжалостны и циничны?! И какая вам выгода от разоренного издательства?

– Под склады сдавать буду, – в нос сказал Максим. – Это бизнес, детка, ничего личного… А может, поспишь все-та-

ки? У тебя голос какой-то не такой. Устала, да? Конечно, устала. Поспи лучше, ну его, этого мужика, потом прочтешь.

– Я не устала, это у меня конфета во рту… А ты зачем позвонил-то?

– Как это зачем? – удивился муж. – Исключительно по делу. Срочно нужна твоя консультация. По поводу галстука. Завтра же сходняк. А при всем честном народе не могу же я появиться в каком попало галстуке. Так что быстренько советуй, какой надевать.

– Да любой, – посоветовала Александра. – Они у тебя все почти одинаковые. Так что не ошибешься.

– Спасибо, – с горячей благодарностью сказал Максим. – И что бы я без тебя делал?

– Глупости какие-нибудь, – предположила Александра.

– Да, – с готовностью согласился Максим. – Да, глупости. Только не какие-нибудь, а огромные. Так что приезжай скорей, пока я не наделал глупостей. Без тебя.

– Без меня не делай, – попросила Александра. – Жажду быть свидетелем. Или участником. Приеду по плану. Привет тете Наташе, заместителю и стоматологу. Пока?

– Пока. Привет Славке, бабуле и хризантемам.

Александра положила телефон посреди миндаля в шоколаде, блаженно потянулась и немножко потаращилась в потолок, решая давно назревший вопрос: так чувствует Максим слова или не чувствует? Радостно решила: чувствует. Просто иногда нарочно ее дразнит. Ладно, пусть. Даже Ко-

сенькой может ее называть. Конечно, не при людях. И вообще пусть говорит что угодно, только бы говорил. Разговаривать с ним было так… так важно. Даже необходимо. Вот, например, о чем они сейчас разговаривали? Да как всегда – ни о чем. О хризантемах, о галстуке, о завтрашнем правлении. Об эпохальных событиях и судьбоносных фактах. О любви, вот о чем. Как всегда. После такого разговора она может все. Она может не моргнув глазом прочесть даже любовный роман, написанный мужиком. И даже не без интереса. Потому что, читая, будет сравнивать слова этого мужика со словами Максима. И сравнение обязательно будет не в пользу этого мужика. Славка права: хорошо, что она вышла замуж не за какого-нибудь короля или хотя бы Шварценеггера, а за Максима…

Итак, что там у нас? У нас там дикое название, которое мы уже зачеркнули, и глава первая, которую мы уже пометили. И начало, которое мы предвидели: «Я приезжаю сюда каждые выходные»… Что-то подушка в сторону уползла. Надо устроиться как следует, чтобы потом на пустяки не отвлекаться. Александра устроилась как следует, положила папку на колени и начала читать, уже ни на что не отвлекаясь.

Глава 1

Я приезжаю сюда каждые выходные. На электричке, потому что на машине дольше. Тащусь от электрички под дождем. Кажется, дождь ни разу не переставал идти с самого июня. Или он начинает идти только тогда, когда я выхожу из вагона? Потому что в Москве я дождя не замечаю. Говорят, что и в Москве без конца идет, но я не замечаю. А здесь первое, что замечаю, когда выхожу из вагона, – это дождь. Тащусь под дождем до самого дома, натягиваю на голову куртку, но все равно прихожу с мокрыми волосами. Почему-то я всегда забываю взять с собой зонт. Накануне вспоминаю, думаю, что надо бы взять, ведь опять дождь будет. А перед тем, как выйти из квартиры, забываю. Или не забываю? Может быть, не беру потому, что все еще надеюсь, что в одно прекрасное утро я выйду во двор и вчерашние лужи будут затянуты белым тонким льдом, а я буду идти, проламывая тонкий лед каблуками, лед будет сухо хрустеть, проламываясь, и под ним не будет почти никакой воды, и с неба не будет литься вода, сколько можно, в самом-то деле, декабрь уже, пора бы и морозу наступить… Я жду мороза, потому что, когда кончится эта бесконечная вода со всех сторон и когда придет мороз, я наконец-то отдышусь, остужу голову и опять начну жить нормально. Я ведь когда-то жил вполне нормально. Многие даже завидовали, вот как я жил. Да и мне самому

нравилось, если я правильно помню.

Но мороза все нет, хоть и декабрь. Есть бесконечный дождь, под которым я иду от электрички до дома, натягивая куртку на голову. Дорога совсем расползлась. Летом была твердая и гладкая, хоть и пыльная. А сейчас скользко, как на льду. Ботинки с тонкой подошвой, ноги разъезжаются, как у пьяного. Я все время забываю, что сюда нужно надевать ботинки с рубчатой подошвой. В прошлом месяце я на этой дороге два раза падал. Пришел в дом грязный, как свинья. Целый вечер отстирывал джинсы и куртку, потом они целую ночь сохли перед камином, но к утру все равно не совсем высохли. В следующий раз я привез сюда запасную куртку и запасные штаны. Странно, что не забыл. А ботинки с рубчатой подошвой надеть забываю. И зонт взять все время забываю. Тоже странно. Каждый раз добираюсь до дома совершенно мокрый.

И калитка совершенно мокрая. Мокрая, скользкая и холодная, за нее даже браться противно. Хоть руки у меня такие же мокрые, скользкие и холодные.

И дорожка к дому, мощенная каменными плитками, тоже мокрая. Но хотя бы не скользкая. Дорожка не скользкая, но идти по ней все равно неприятно. По обе стороны дорожки – деревья, кажется яблони. Да какая разница. Ветки все равно голые. Густые, переплелись над дорожкой. Сквозь них дождь льет, да еще и с них вода дополнительно льет. Наверное, просто кажется, что дополнительно. Потому что последние шаги

до крыльца терпеть этот дождь особенно противно.

А на крыльце – уже совсем невыносимо. Руки плохо слушаются, они замерзли, дрожат, я злюсь на собственные руки так, будто это отдельные от меня самостоятельные существа, посторонние, неприятные. К тому же я каждый раз путаю замки. Каждый раз пытаюсь открыть старый замок ключом от нового. Старый замок сломан, это я его сломал, когда однажды приехал без ключей. Думал, что потерял или в электричке вытащили. Сломал замок, на следующий день врезал новый, у меня здесь всегда запас таких вещей, и инструменты, и материал кое-какой, и краска. И новый замок нашелся, я его врезал чуть ниже старого, а старый вынимать не стал. Сломан и сломан, чего с ним возиться. А потом ключи от старого в кармане другого пиджака нашел. Выбросил, чтобы не путать с новыми. А теперь вот все время замки путаю. Каждый раз пытаюсь повернуть новый ключ в старом замке. Когда-ни будь и ключ сломаю. Руки трясутся и не слушаются, новый ключ из старого замка выдирается только с пятой попытки. Я сую ключ в новый замок и заранее с ненавистью ожидаю, что ключ и в этом замке сейчас застрянет. И мне опять придется выбивать дверь.

Я приезжаю сюда каждые выходные. Каждые выходные! Каждую пятницу – вонючая электричка, раскисшая дорога, нескончаемый дождь, скользкие холодные доски калитки, в дополнение к дождю – вода с густо переплетенных веток над дорожкой… По-моему, это все-таки яблони. Хотя мне все

равно. А в конце – еще и два замка, и один из них сломан, и я их каждый раз путаю. Кто угодно может сойти с ума. Я – точно могу. Мама думает, что я уже сошел с ума. Мама думает, что мне нужно срочно помогать. Мама думает, что я стал принимать наркотики. Мама думает, что мне плохо.

Мама всю жизнь думает обо мне черт знает что.

Стал бы я приезжать сюда каждые выходные, если бы мне здесь было плохо… Мне здесь хорошо. Так хорошо, что ради этого стоит потерпеть дорогу под дождем, от электрички до дома без зонта, и руки эти трясутся, как чужие, смотреть противно. Действительно, как у наркомана. Хорошо, что мама хоть этого не видит. Она возлагает на меня большие надежды. Какие надежды может оправдать человек, у которого трясутся руки? Мои трясущиеся руки могут разбить ей сердце.

На крыльце я так злюсь на свои руки, что они трясутся, наверное, от страха передо мной. А когда дверь открывается и я вхожу в дом, то сразу забываю о руках, и они перестают трястись. Делают дальше все сами, привычно и спокойно. Раньше я бы даже сказал – умело. Но сейчас не скажу, не знаю. Раньше я следил за своими руками и гордился тем, как они все умело и красиво делают. А сейчас не слежу, давно уже. Так что ничего по этому поводу сказать не могу. Делают что положено – и хорошо. По крайней мере, не отвлекают меня по пустякам.

Я вхожу в дом и начинаю прислушиваться. Мои руки дела-

ют что положено: закрывают дверь, включают свет, снимают с меня куртку, встряхивают ее и вешают на старую деревянную вешалку. Мама называет эту вешалку «плечики». Потом мои руки снимают с меня ботинки и набивают их газетами. Потом укладывают дрова в камине, суют туда еще пару газет. Потом чиркают спичкой. Огонь занимается сразу, и почти сразу становится тепло, камин не дымит, его делал хороший мастер. Или это мои руки все правильно делают, правильно укладывают дрова, правильно суют смятые газеты, правильно чиркают спичкой. Главное – не мешать им. Один раз я стал думать, откуда берутся газеты и где лежат спички – и не вспомнил. Стоял столбом перед камином, а руки висели плетьми и ждали, когда я перестану вмешиваться не в свое дело. Потом я перестал думать о том, что надо сейчас сделать, и оказалось, что я уже сижу перед камином и смотрю на огонь, а руки пересчитывают спички в коробке. Помню, там было совсем мало спичек, штуки три или четыре. На один приезд. В следующий приезд руки вынули у меня из кармана целую упаковку. Разорвали грубую оберточную бумагу, коробки рассыпались, руки их собрали и куда-то спрятали. До сих пор не знаю куда. Но каждый раз мои руки безошибочно находят спички и чиркают ими перед камином. В камине под дровами – смятые газеты. Откуда берутся газеты, я тоже до сих пор не знаю. Руки находят все сами, главное – не мешать им, это я давно уже понял.

Я схожу с ума. Мои руки поняли это гораздо раньше, чем

я. Когда они пытаются открыть сломанный замок не тем ключом, я на них злюсь. И они дрожат не от холода, а от страха за меня и от жалости ко мне. Потому что это я заставляю их делать глупости. Я каждый раз забываю, что замок сломан и ключ не тот. И вмешиваюсь не в свое дело. Без меня они давно бы уже запомнили, какой замок надо открывать. А я мешаю. Я до сих пор думаю, что лучше всех знаю, что надо делать.

Мама говорит: «Думать меньше надо». Мама всегда так говорит, когда я делаю что-нибудь не то.

А в доме я не думаю. Мои руки делают что положено, а я просто сижу, жду, когда станет тепло, и прислушиваюсь. Прислушиваться не к чему, в доме совершенно тихо, иногда только полено в камине стрельнет искрой. Или руки начинают постукивать пальцами по подлокотнику кресла. Но сразу перестают, чтобы не мешать мне прислушиваться. Хотя прислушиваться не к чему. Я знаю это совершенно точно, хоть и схожу с ума. Сижу, жду, когда станет тепло, прислушиваюсь к абсолютной тишине и думаю: «Конечно, я сумасшедший. Меня поставят на учет и никуда не выпустят. С другой стороны, если бы я был сумасшедшим, то думал бы, что я нормальный. Все сумасшедшие думают, что они нормальные. А раз я думаю, что я сумасшедший, значит, я нормальный… Но раз я все-таки думаю, что нормальный, значит – сумасшедший…» Сижу и развлекаюсь такими мыслями. И прислушиваюсь к тишине на втором этаже. На первом этаже

– тоже тишина, везде тишина. Но на втором – совершенно нестерпимая.

Когда становится совсем тепло, я встаю и иду к лестнице на второй этаж. Сначала пару минут стою, задрав голову, и пересчитываю ступеньки. Три или четыре раза подряд. Их всегда одинаковое количество – девять ступенек в каждом пролете, два пролета. В прошлый мой приезд было столько же. И в позапрошлый. И год назад. И через неделю столько же будет. И через год. Всегда. И всегда я их буду пересчитывать по нескольку раз. Сначала – глазами. Потом начинаю подниматься по лестнице и пересчитываю шагами. Как будто что-то может измениться. Один раз сбился, показалось, что в нижнем пролете не девять, а восемь ступенек. Сердце так забилось, как будто действительно что-то может измениться.

Поднимаясь по лестнице, я каждый раз пересчитываю ступеньки шагами. Ничего не меняется.

На втором этаже узкий коридор, в нем всегда темно – ни одного окна. Я включаю все светильники. Говорят, сумасшедшие боятся темноты. Я темноты не боюсь, я боюсь в темноте перепутать двери. Хотя нет, и этого тоже не боюсь. Эту дверь я найду в любой темноте. Но я хочу видеть эту дверь издалека. Хочу подходить – и видеть ее. Как тогда. Хочу дотронуться до нее именно в том месте, в котором дотронулся тогда. Хочу, чтобы дверь открылась точно так же, как тогда, и веер света из коридора упал бы на пол, точно на середину ковра, как тогда. Я подхожу к этой двери и кладу на

нее ладонь – как тогда, и ожидаю – как тогда, – что дверь окажется запертой изнутри. Но, как и тогда, коричневое полированное дерево легко плывет от моей ладони. Конечно, дверь не заперта, ее некому запирать. Дверь открывается наполовину, и веер света из коридора ложится точно на середину ковра. В комнате темно, тихо и пусто. Но это уже не важно. Я вхожу в комнату, включаю бра над диваном и закрываю дверь в коридор. Тогда дверь в коридор я тоже закрыл. Обхожу ковер, стараясь не наступить даже на его край. Вынимаю из шкафа пакет, в который запакована большая подушка. Вынимаю подушку из пакета. На подушке вышита морда тигра. Очень натуралистично. Тигр щурит желтые глаза и скалит хищные зубы. Или это он так улыбается? Наверное, улыбается. От подушки до сих пор пахнет духами, которые я не знаю. Или не духами, а цветами. Которые я тоже не знаю. Или какими-то пряностями, которые я тем более не знаю. За полгода я обнюхал сотни всяких флаконов в парфюмерных магазинах и столько же – коробок и пакетов со всякими приправами в гастрономах, но так и не наткнулся на этот запах. Или хотя бы на похожий. Я обходил магазины по кругу, заходил в одни и те же по нескольку раз. Продавцы сначала раздражались, потом настораживались – наверное, думали, что я потенциальный грабитель, потом привыкли – наверное, поняли, что я сумасшедший. Встречали, как родного. С интересом спрашивали, какой запах я все-таки ищу. Какие доминирующие ноты. Какая гамма. Какая

гамма! Откуда я знаю? Невозможно объяснить нормальным людям, что я ищу такую гамму, которой пахнут усы тигра. И уши тигра так же пахнут. Особенно левое.

Я беру подушку с тигром в охапку и сажусь на пол возле дивана – как тогда. Прислоняюсь спиной к дивану – как тогда. И смотрю на ковер. Все как тогда, только тогда я не держал подушку в руках. Тогда подушка лежала на ковре. Тогда на ковре много чего лежало – простыня, подушка, покрывало… Она почему-то не захотела спать на диване и постелила все на пол. Прямо в середине ковра. Помню, что тогда меня это страшно рассмешило. Я смотрю на ковер, на котором сейчас ничего нет, и потихоньку смеюсь. С чего это мама решила, что мне плохо? Здесь мне очень хорошо. Очень хорошо. А то с какой бы стати я стал так мучиться, добираясь сюда каждую неделю под бесконечным дождем?

И ждать, когда, наконец, этот дождь кончится. А то правда с ума сойду. Ведь должен он когда-нибудь кончиться? Раз уж у него было начало, так пусть будет и конец. Пусть настанет зима. Пусть грянут такие морозы, чтобы я промерз насквозь. Чтобы ни одной теплой клеточки не осталось. Чтобы даже воспоминания о лете вымерзли навсегда. Мороз – это анестезия. Да, вот именно, мне нужна анестезия.

Ничего, вот дождусь мороза – и все пройдет. Это я сам себе такую примету придумал. Сумасшедшие всегда придумывают свои приметы.

А в ожидании морозов я каждые выходные приезжаю сю-

да, мокну по дороге, ломаю замки, поднимаюсь на второй этаж и сижу на полу возле дивана, глядя на ковер и сжимая в руках тигра, пахнущего не существующими в мире духами. И вспоминаю. Говорят, есть такой метод лечения сумасшествия – вспоминать все, что было. С самого начала. Вот я сижу и вспоминаю. Каждый раз – с самого начала. И каждый раз начало отодвигается все дальше и дальше.

Сейчас мне кажется, что все началось, когда мы поругались с Марком из-за отпуска…

На столике, распугивая вибродозвоном фантики от конфет, зажужжал телефон. Несколько фантиков, удирая от телефона, свалились на пол. Телефон, угрожающе жужжа, погнался за ними. Александра успела подхватить его в последний момент, на самом краю. Героическим усилием. И ценой рассыпавшейся верстки. Ну ладно, ничего страшного, верстка – это все-таки не рукопись без нумерации страниц. За свою богатую практику ей доводилось пару раз рассыпать пачки непронумерованных страниц. Впечатление – на всю оставшуюся жизнь. После второго раза она первым делом всегда проверяла работу: страницы пронумерованы? Нет? Тогда я в руки не возьму. Сначала пронумеруйте. Наборщики иногда сердились на нее, иногда смеялись над ней. Но она все равно заставляла переделывать. Опытные редакторы и корректоры были на ее стороне. А верстку собрать – раз плюнуть. Да и рассыпалось совсем не много. Но на всякий

случай первым делом она все-таки пожаловалась:

– Максим, я из-за тебя всю работу рассыпала.

– Всю? – испугался муж. – Или все-таки только то, что прочитать успела?

– Только то, что успела… – призналась Александра. – Но все равно уже много.

– Да чего там много, ничего там не много! – с облегчением закричал Максим. – Я тебе пятнадцать минут назад звонил, чего ты там наработала за пятнадцать минут?! Только бы человека обвиноватить ни за что!

– А вот и наработала, – обиделась Александра. – Я всю первую главу прочла. До конца. Сейчас буду вторую читать. Эй, а ты зачем звонишь-то? Сам говоришь, что пятнадцать минут назад звонил. Ничего не случилось? Или опять срочно посоветоваться надо? Какие носки надевать, да? По-моему, ты просто от безделья маешься. А еще говорил, что у тебя столько дел, столько дел, что даже на субботу вырваться не можешь! А сам вон чего. Коварный обманщик. Бессовестный.

– Я совсем даже не коварный обманщик, – обиженно сказал Максим. – К тому же очень даже добросовестный. И дел у меня выше крыши, ты же знаешь, один отчет задолбал совсем… Но у меня возникли кое-какие сомнения. Поступила информация, а я недопонял.

– Какая информация? – озаботилась Александра. – От кого? Чего ты недопонял, добросовестный обманщик?

– Я совсем не добросовестный обманщик… А информация – от тебя. Я недопонял: ты зачем стоматологу привет передавала? С глубоким смыслом или опять дразнишься?

– Так, – зловещим голосом начала Александра. – Значит, ты так, да? Ты что, забыл, что сегодня идешь к стоматологу?

– Я? К стоматологу?! – ужаснулся Максим. – Я что, с ума сошел? Сегодня же суббота! У меня дел выше крыши!..

– С двенадцати до двух у тебя будет окно, – непреклонно сказала Александра. – Ты сам говорил. И я записала тебя к врачу. К стоматологу. И вчера мы об этом говорили. А если ты сейчас скажешь, что не помнишь, то я запишу тебя еще и к… э-э… например, к геронтологу.

– А это кто? – насторожился Максим. – Они не зубы лечат, нет?

– Геронтологи уже ничего не лечат, – скорбно сказала Александра. – Они ставят диагноз и наблюдают течение болезни… болезней. Склероз, маразм, то-се… Старческое слабоумие еще бывает. Это я не грублю, это действительно так болезнь называется.

– А я все равно обиделся. – Максим вздыхал в трубку, кряхтел и цыкал зубом. – Тем более что про стоматолога я и сам помнил. Просто надеялся, что ты забыла.

– Ты же прекрасно знаешь, что я никогда ничего не забываю! – Александра тоже повздыхала, поцыкала зубом и великодушно предложила: – Ну, хочешь, мы в понедельник вместе сходим? Правда, я не знаю, в какое время смогу. Придет-

ся с работы отпрашиваться.

– У тебя что, тоже зубчик болит? – радостно оживился Максим.

– Нет, – сказала жестокая Александра. – Я просто буду сидеть рядом с тобой и держать тебя за руку. Чтобы ты не боялся.

– Понедельник у меня перегружен, – очень деловым голосом доложил Максим. – Я уж лучше сегодня схожу. Если успею.

– Да ты уж постарайся, – ласково посоветовала Александра. – Если сегодня не успеешь вылечить зубчик, то я… то я с тобой целоваться не буду.

– А с кем будешь?

Александра задумалась. Такого вопроса она не ожидала, поэтому ответ как-то не формулировался.

– А-а, не знаешь, с кем тебе целоваться, кроме меня, – самодовольно сказал Максим. – Если только с тем автором, которого сейчас читаешь?

– Не, что не с ним – это точно, – уверенно ответила Александра. – Ты знаешь, по-моему, он концептуалист.

– Какой кошмар! – ужаснулся Максим. – А это очень заразно?

– У меня иммунитет, – успокоила его Александра. – Я их столько в свое время начиталась, что они на меня уже не действуют.

– А на меня? – заволновался Максим. – Вдруг это по теле-

фону передается? Электронно-волновым путем, а? Я же их сроду не читал! У меня же никакого иммунитета!

– У тебя врожденный иммунитет, – успокоила его Александра. – Потому что ты родился нормальным. И рос нормальным. И даже к старости почти не испортился.

– Ты за это меня любишь, да? – громким шепотом спросил Максим. Кажется, он закрывал рукой трубку и хихикал в сторону.

– Нет, не за это. А за то, что у тебя высокие устремления и благородные порывы. Ты всю жизнь хочешь стать олигархом. И к тому же сегодня собираешься вылечить зуб.

Максим захохотал, не закрывая трубки. Александра с удовольствием слушала. Ей всегда страшно нравилось, как он смеется. Страшно нравилось. Даже сердце замирало. Наконец он отсмеялся, и она с любопытством спросила:

– А ты-то меня за что любишь?

– А не знаю, – легкомысленно ответил Максим. – Какая тебе разница? Люблю и люблю. Просто так. Без уважительной причины.

Они еще немножко попрепирались на тему необходимости или необязательности уважительных причин, договорились перезвониться после того, как Максим вылечит зубчик, передали привет всем, кого смогли вспомнить, – и распрощались. Надолго, как сказал Максим. Аж до самого обеда. В обед он позвонит, чтобы проконтролировать, обедала Александра или опять забыла. Александра выразила мнение, что

звонить он будет для того, чтобы получить от нее моральную поддержку перед визитом к врачу.

Вот о чем они опять говорили? Да все о том же, о чем говорят вот уже одиннадцать лет, три месяца и шесть дней.

Одиннадцать лет, три месяца и шесть дней назад Максим почти совсем разорился, сказал, что теперь мало что может предложить ей, и тогда она сразу вышла за него замуж. Не совсем сразу, а через неделю, потому что надо было еще платье приготовить и успеть гостей оповестить. Гостей было немного, только подружка невесты Людмила Язовская и два друга жениха. Жених ведь только что разорился, вот друзей больше и не набралось. Но свадьба получилась веселая, шумная и долгая, главным образом – стараниями Людмилы и двух друзей. Свадьбу справляли в полупустой однокомнатной хрущевке на окраине Москвы. Кроме этой хрущевки у Максима тогда ничего не осталось. Тогда, на свадьбе, Максим сказал: «Когда-нибудь я буду олигархом». Она ответила: «Как хочешь. А зачем?» Он долго думал, кусал губы, хмурился, краснел… Наконец вызывающе заявил: «Ну, как это зачем? Чтобы тебе было за что меня любить». Первой захохотала Людмила, потом – его друзья, потом – и он сам. Она засмеялась последней, потому что не сразу поняла, о чем он вообще говорит. Господи, каким же он был глупым одиннадцать лет, три месяца и шесть дней назад… Нет, даже гораздо раньше. Ведь познакомились они почти тринадцать лет назад. Тогда он был богат. По ее представлениям – даже очень богат. Но

оказывается, хотел стать еще богаче. Он рассказывал ей, какой у них будет дом на Рублевке, какую машину он ей подарит на свадьбу и какие шубы она будет покупать во Франции. И очень обиделся, когда она сказала, что Рублевка ей не нравится, машину она водить не умеет и учиться не собирается, а шубы она сроду не носила и даже не понимает, что в них хорошего. Он понял это так, что она не хочет выходить за него замуж. Все-таки Максим был ужасно глупым. Они тогда впервые сильно поссорились. Может быть, она бы и не вышла за него, если бы он вовремя не разорился. Хорошо, что разорился. А то пришлось бы выходить за какого-нибудь короля или вообще за Шварценеггера. А разве какой-нибудь король или хотя бы Шварценеггер стали бы звонить ей каждые пятнадцать минут? Тем более после одиннадцати лет и трех месяцев законного брака?

Она старательно уложила непрочитанную часть на столик, чтобы еще и ее не рассыпать, кряхтя, сползла с дивана и стала собирать рассыпавшиеся листочки. Один, второй, третий… где третий? Третий под диван нырнул, зараза концептуальная. Далеко нырнул, почти к самой стене. Ну и тьфу на него, все равно уже прочитан. Потом выловим, если нам очень захочется. Но нам вряд ли захочется, правда? Нечего там перечитывать. Все эти мрачные сумасшедшие страдания на ровном месте… Ясно, что концептуалист. Ну, по крайней мере, после окончания первой главы другого вывода она сделать не может. Да, а почему она решила, что пер-

вая глава уже закончилась? Там же вообще никаких глав нет. В руководстве к действию именно ей предлагалось разбить текст на главы. Ладно, разобьем, нам не привыкать. На чем мы там остановились? «Сейчас мне кажется, что все началось…» Вот и пусть это будет началом второй главы. Итак, глава вторая.

Глава 2

Сейчас мне кажется, что все началось, когда мы поругались с Марком из-за отпуска. Я хотел отпуск в июне, он тоже хотел отпуск в июне. Сразу обоих нас никогда бы не отпустили. По большому счету мне всегда было наплевать на отпуск. Мне эти отпуска даром не нужны. Я не знаю, что делать в отпуске. Если зимой – тогда хоть на лыжах в поле походить, морозом подышать. Дня три-четыре, потом тоже надоедает. А летом отпуск даром не нужен. Если солнце – жарко, если дождь – сыро. Не люблю. Дома сидеть? Дома делать нечего. На работе сидеть интересней. По крайней мере, ощущаешь свою полезность. Мама говорит, что я трудоголик. Ерунда. Просто добиваться чего-то надо. Чтобы не было мучительно больно за бесцельно… далее по тексту. Вот так примерно. А чего добьешься, если будешь сидеть дома? Или тем более в отпуске? Кстати, мама сама с детства мне это вдалбливала: надо добиваться, надо добиваться… Да нет, все правильно. Мама знает, что говорит. Она всякого натерпелась, так что мне такой жизни не желает. Я тоже себе такой жизни не желаю. Поэтому на отпуск мне по большому счету наплевать.

Но в этот раз был особый случай. Лилия у себя с кем надо поговорила, и мне обещали путевку в Коктебель. Как раз в июне. Это еще не на сто процентов было, но на днях обещали решить. Ее предки тоже должны были в Коктебель по-

ехать, и тоже как раз в июне. Это уже решено было, на сто процентов. Так что если бы я там вместе с ними оказался, это было бы и мне полезно, и Лилии удобно. Она бы нас познакомила в непринужденной обстановке, как людей одного круга. Потом и в дом можно было бы привести, никто бы уже не спрашивал, кто такой и откуда взялся. Кто родители и так далее. Из своего круга – это уже почти семья. У Лилии были серьезные намерения. И у меня тоже. Тем более что бедным родственником я себя не чувствовал. У меня к тому времени уже две книжки вышло. Машину купил еще в прошлом году. Хоть не новая, но на ней это не написано. И дача такая, что не всякий маститый о такой мечтать может. Ну, с дачей, если правду сказать, просто повезло. Мама через своих подружек вариант нашла. Отказник какой-то срочно продавал, за сколько сказали, за столько и отдал. Но и я ведь сколько в нее вложил. И мать там что-то в саду делала. Так что вполне цивильная дача получилась, да еще в таком месте. И перспективы у меня очень неплохие. А тут еще такой случай. От такого шанса только сумасшедший может отказаться. А я тогда не был сумасшедшим.

А Марк хотел мать к родственникам отвезти, куда-то к черту на кулички, во Львов, что ли. И тоже в июне. Их родственники в этом Львове круглый год живут, можно хоть в феврале ехать, хоть в августе, никуда они не денутся. Так вот нет, как раз в июне надо. Потому что кто-то из них, из этих родственников, в июне жениться собрался. Наверное, другой

уважительной причины не придумали, чтобы все их семейство наконец-то вместе собрать. За полвека впервые решили все собраться, и то в июне. И что делать во Львове весь отпуск? Ну, мать – ладно, ей все равно делать нечего, на пенсии давно, пусть проветрится, хоть имена всей родни выучит. А Марку целый отпуск что делать в том Львове? Хотя я не уверен, что Львов. Сейчас уже не помню. Да и тогда не запомнил. Марк сказал, а я тут же забыл. Дело не в этом. Если бы он за границу опять собрался – я бы слова не сказал. Я же понимаю, что такие вещи не обсуждаются. Это перспективы, знакомства, возможности. Новый уровень, новый свой круг. Слова не сказал бы, честно. А тут – какой-то Львов! Или что-то в этом роде, уже не помню. Я не хочу отказываться от своего счастливого случая ради чьей-то чужой свадьбы. Может, у меня тоже со свадьбой получится. Особенно после поездки в Коктебель.

Но я свои аргументы Марку не выкладывал. Мама говорит, что если у человека того, о чем он молчит, больше, чем того, о чем все знают, тогда человек сильнее других. Я не знаю, сильнее или не сильнее, просто привык лишнего не трепать. Сейчас думаю, что если бы тогда все прямо рассказал, так мы бы и не ругались. Марк нормальный мужик, он понимает, что мне приходится всего самому добиваться. Хотя у Марка свой круг – с рождения, даже еще до рождения. У него и английская школа, и МГИМО – все само собой. И работа сама собой покатилась, и заграницы эти его. Но он про

меня все понимает. Помогал с самого начала, поддерживал. А то, что я и ему не все рассказываю, – это так, по привычке, а не потому, что завидую или еще что-нибудь. В его возрасте у меня, может, положение будет еще и не такое. Только английский подучить надо. Если по заграницам придется ездить, без английского трудновато будет. А может, у меня свой переводчик будет. И уж вот этого я никогда не допущу – чтобы вести себя с подчиненными как с равными. Каждый должен знать свое место. Я, когда пришел, знал свое место. Марк сам меня разбаловал. Хотя я никогда особо не злоупотреблял. Только вот сейчас ругались, как равные. Но все-таки у меня была серьезная причина. Очень серьезная. Познакомиться с предками Лилии в непринужденной обстановке – это как в лотерею «Волгу» выиграть. Говорят, что бывает, но выигравших сам никто не видел. Может, вся будущая жизнь от этого зависит, а у него мама именно в июне во Львов собралась. Хотя насчет Львова я не уверен.

В общем, мы сидели и на повышенных тонах доказывали друг другу, что отпуск каждому необходим именно в июне. И что мы не собираемся менять своего решения. Уж я-то точно не собирался. У меня, может, вся будущая жизнь от этого зависела. Я даже почти решился рассказать о Лилии, ее предках и о путевке. Конечно, не все рассказать, а так, намекнуть. Без имен. Он бы понял.

Но он и так все понял. Не про Лилию, ее предков и путевку, а про то, что я все равно не отступлюсь. Вдруг пря-

мо посреди ругани замолчал, задумался, уставился на меня в упор, а взгляд такой, будто не видит. Потом начальственно покашлял и сказал:

– Н-ну, ладно. Я ухожу на неделю в начале июня и на неделю – в конце. Середину можешь забирать себе. Устраивает?

Я подумал, что за две недели смогу и познакомиться с предками Лилии, и даже подружиться, да и вообще больше двух недель на юге выдержать невозможно. А то, что на неделю опоздаю к началу срока и уеду за неделю до окончания, – это даже неплохо. Производственная необходимость. Без меня не справляются. Должно произвести благоприятное впечатление.

– Ну? – нетерпеливо сказал Марк и опять начал раздражаться. – Я спрашиваю: такой график тебя устраивает?

Я сделал задумчивое и озабоченное лицо, помолчал для солидности, потом хотел сказать: «Да, пожалуй, устраивает».

Но тут дверь чуточку приоткрылась, и тихий голос спросил:

– Можно войти? Я вам не помешаю?

Марк оглянулся на дверь. Не знаю, что он мог рассмотреть в такую узкую щель. Наверное, что-то смог. Потому что вскочил, с грохотом оттолкнув кресло, вылетел из-за стола и понесся к двери с протянутыми руками. Еще и кричал что-то дикое. Я никогда не слышал, чтобы он кричал что-нибудь подобное. Он кричал:

– А-а-а! Спасительница ты моя! Помогительница ты моя!

Где тебя черти носят?! Приехала все-таки! Не подвела старика! Завтра в командировку поедешь! В Сочи! Ты у главного была? Главный уже два раза спрашивал! Ну, приди же скорей в мои объятия! Я твоя радость, ты моя печаль!

Вел себя как сумасшедший. Тогда я еще не был сумасшедшим. Тогда я думал, что знаю, как ведут себя сумасшедшие. Сейчас я понимаю, что Марк был абсолютно нормальным. Просто он не боялся кричать всякую дичь и бежать к двери, как сумасшедший. Боится или не боится – вот и все различие между сумасшедшим и нормальным.

Дверь еще немножко приоткрылась, и в щель вошла какая-то девчонка. Не проскользнула, не просочилась, не протиснулась, а именно вошла, хоть щель была совсем узкая. Я помню, что заметил сначала, какая узкая щель, а она вот так спокойно вошла, даже не боком, а нормально, как будто не в щель, а в распахнутую дверь. Я сначала смотрел на эту щель и удивлялся, а потом уже посмотрел на нее. Даже не знаю, что я тогда про нее подумал. Наверное, тогда я подумал не про нее, а про Марка. Он же только что орал: «Иди в мои объятия». Вот я и подумал, что он сразу кинется ее обнимать. А он не кинулся, ничего подобного. Несся к двери, как носорог, орал про объятия, и вдруг – ничего подобного. Затормозил с разбегу перед ней, стал что-то умильно лопотать, руками размахивать, перешел на английский. Я тогда подумал, что это он от нервов. Она ему что-то ответила, тоже на английском. Тогда я подумал, что она иностранка, наверное,

кто-нибудь из заграничного круга Марка. Марк засмеялся и сказал уже по-русски, что у нее невыносимо скверный характер. Но это простительно, потому что все остальное у нее выше всяких похвал. Я ждал, что она поблагодарит за комплимент, или скажет «ах вы льстец», или еще что-нибудь такое. Ну, что они все в таких случаях говорят. Она спросила:

– Выше чьих похвал?

И я стал на нее смотреть.

Марк мешал. Все время суетился вокруг нее, руками махал, в общем, закрывал обзор. Помню, я подумал, что Марку тоже следовало бы сесть на диету. Я, например, уже шесть килограммов сбросил. Прекрасно себя чувствую. Хотя я никогда не был таким комодом, как Марк. Настоящий комод, весь обзор закрывает.

Потом Марк помог ей снять куртку. Стал устраивать куртку на вешалку – мама называет такую вешалку «плечики». Я удивился, что куртка – точно такая же, как у Лилии. Синяя, с капюшоном, внутри – белый мех, по краям накладных карманов – тоже полоска белого меха. Лилия говорила, что такая куртка на всю Москву одна, только у нее. Лилии эту куртку привез отец, из Японии. Лилия говорила, что все девушки из ее круга просто заболели от зависти. Лилия свою куртку надевала только на выход. Это если свой круг ехал не просто на чью-то дачу, а на чью-то закрытую дачу. Когда не просто свой круг, а самые избранные. Лилия никогда не надела бы эту куртку просто так, на работу например. Во-первых,

единственная на всю Москву, но у Лилии – не единственная. Во-вторых, эта синяя куртка была не очень удобной. Так Лилия говорила. Она считала, что японцы не умеют шить на европейских женщин. Все как-то тесновато, даже капюшон, и рукава коротковаты. Лилия говорила, что у японцев лекала другие. Может быть, ту куртку, которую Марк устраивал на плечики, шили по другим лекалам. Потому что рукава у нее были немножко завернуты, так что получились белые меховые манжеты. Если бы рукава были коротковаты, их бы не заворачивали. Или это не лекала другие, а размер другой.

До сих пор не понимаю, с какой стати я тогда примотался к этой куртке. Только один раз посмотрел на ту женщину, которая в этой куртке пришла. Но Марк все время закрывал обзор, особо ничего не разглядишь. Показалось, что совсем мелкая девчонка, почти ребенок. Наверное, дочка каких-нибудь знакомых Марка. Из его круга. А то откуда у нее такая куртка?

Марк, наконец, устроил куртку в шкафу и повел девчонку к своему столу. Слегка придерживал ее за плечи. Не обнимал, а именно придерживал. Как будто боялся, что она убежит. И все время что-то говорил, то и дело переходя на английский. Наверное, от нервов. Или просто перед ней выпендривался. Или передо мной. Она тоже что-то говорила, но все время по-русски. Очень тихо, но я кое-что расслышал. Она сказала, что в командировку в Сочи не поедет, приехала по своим делам, забежала просто так, в гости, а вызов отра-

ботает в июне, если никто не против. А сейчас, если нужно, сделает что-нибудь срочное. Мелочь какую-нибудь, только чтобы никуда не ехать.

Я почувствовал обиду. Если командировка в какой-нибудь Тамбов – так, кроме меня, ехать некому. А как в Сочи – так мне даже не сказали. Приберегли Сочи для какой-то посторонней девчонки. Может, для Марка она не посторонняя. Дочка бывшего однокурсника, например. В Сочи сейчас уже почти лето, самое время дочке бывшего однокурсника немножко позагорать перед основным отдыхом. Может быть, в Коктебеле. Или даже в Болгарии. Да этих дочек даже в Финляндию выпускали, без проблем.

Марк закричал, что главный с него скальп снимет, главный специально для нее Сочи оставил, личное его распоряжение! Еще вчера командировку выписали! А она не явилась!.. Еще что-то кричал, громко. Я сидел и злился, потому что Сочи – вот этой вот, которая даже ехать не хочет, а мне вообще ни слова не сказали. Она спокойно, неторопливо устраивалась в кресле. Молчала и смотрела на Марка, иногда кивала. Кажется, кивала как раз тогда, когда он говорил, что она бессовестная и легкомысленная. Я подумал, что она соглашается, чтобы его успокоить. Потом подумал, что она специально его дразнит, – я видел только ее профиль, но заметил, что она улыбается. Так, чуть-чуть.

Потом она сказала:

– Я пить хочу.

Марк сразу заткнулся и стал шарить в тумбе возле своего стола. У нас в этой тумбе электрический чайник и кое-какой стратегический запас на случай чрезвычайных событий. Я догадался, что ее явление народу – это для Марка чрезвычайное событие. И еще я догадался, что ей все равно, кто о ней что думает. Может, она даже не слышала, что там кричал Марк. То есть не слушала. В общем, не придавала значения.

Потом, уже намного позже, я понял, что она всегда все слышит и всегда всех слушает очень внимательно. И запоминает все подряд, даже незначительные мелочи. Даже такие пустяки, которые вообще никому никогда не придет в голову запоминать. А значение придает только тому, что сама выбирает. Я имею в виду – выбирает из всего, что есть. Иногда выберет ерунду какую-то и считает, что эта ерунда имеет огромное значение. А иногда случится что-то на самом деле важное, все только и говорят, как это событие отразится на их судьбах, даже вообще на всей мировой истории, а она посмотрит непонимающе и вдруг скажет: «Какая все это ерунда». Она всегда придавала значение мелочам.

А то, что ей все равно, кто о ней что думает, – это я с самого начала правильно догадался. Хотя тогда видел только ее профиль.

– Да! – Марк наконец-то вспомнил обо мне. – Вы же не знакомы! Это наш ведущий фельетонист. Очень перспективный, очень. И завидный жених – холостой, молодой и богатый. У него две книжки уже вышли. Фантастика. Скоро тре-

тья выйдет! И четвертую уже пишет! Ты ведь фантастику любишь? Ну вот, он тебе свои книжки подарит, с автографом. Живой классик, не кот начихал! Ты когда-нибудь видела живых классиков?

– Нет, – сказала она своим тихим, спокойным голосом. – Но мертвых классиков я тоже никогда не видела.

И повернулась ко мне.

Вот, наверное, когда все началось.

Хотя тогда я ее даже не рассмотрел толком.

Правда, и потом я ее толком никогда не мог рассмотреть. Особенно когда она вот так поворачивалась и начинала смотреть в упор. Вроде бы пристально, с интересом, но – с каким-то отстраненным интересом. Со спокойным ожиданием. Или со спокойным терпением, я не знаю. Я видел такой взгляд у маленьких детей, когда те едут в троллейбусе и смотрят в окно. Матери сидят на местах для пассажиров с детьми и инвалидов, а дети сидят у них на коленях. Если не капризничают, то смотрят в окно вот таким взглядом. Пока они вот таким взглядом смотрят в окно, их еще можно толком рассмотреть и даже иногда запомнить. А если поворачиваются и начинают смотреть на тебя, – все, ничего запомнить нельзя, потому что ничего не видишь, кроме этого взгляда. Я как-то поделился своим наблюдением с Лилией. Лилия все выслушала очень внимательно, а потом сказала, что, скорее всего, мне попадались какие-нибудь больные дети. Не совсем нормальные. Наверное, она должна была знать

про детей больше, чем я. Конечно, у Лилии своих детей тоже не было, но ведь в ее кругу было много детских писателей. И по работе все время с ними контактировала. Лилия рецензировала детские книжки перед тем, как их авторов принимали в Союз писателей. Или не принимали. От Лилии многое зависело. Тем более от ее отца.

Но с мамой я тоже поделился своим наблюдением насчет того, как маленькие дети сидят у матерей на коленях и смотрят в окно троллейбуса. Мама сказала, что все правильно я заметил, все так и есть. Дети воспринимают информацию, потому что никуда не денешься, им нужно познавать мир. Вот они и сидят, смотрят, познают мир, но при этом скучают. Мама сказала, что я внимательный наблюдатель, это врожденный дар. А все анализировать и синтезировать можно научиться со временем. И даже подсказала мне идею сюжета новой книги: рождается ребенок с необыкновенными способностями, у него особенный взгляд, он этим взглядом может… Я уже не помню, что он может делать этим взглядом. Это сейчас не имеет значения. Книги с таким сюжетом написали уже все, кому не лень. А я так и не написал. Но это тоже уже не имеет значения.

Это перестало иметь значение с того момента, когда она повернула голову и посмотрела на меня. У нее был такой взгляд, будто она познает мир, но при этом скучает. Мне показалось, что она немножко улыбается. Но она не улыбалась, просто губы у нее были, как говорят, луком Амура, уголки

всегда загнуты вверх, от природы, а не от настроения, вот и казалось, что она улыбается. Но по-настоящему, от настроения или хотя бы для вежливости, она никогда не улыбалась.

Даже странно, что я тогда мог столько всего разглядеть. Но скорее всего, это я потом столько всего разглядел. А тогда я увидел только глаза. Как будто на лице были только глаза, одни глаза и ничего больше. Потом узнал, что все, кто видел ее впервые, сразу запоминали только глаза. При следующих встречах и узнавали только по глазам. А все остальное запоминали постепенно. А может, и не запоминали. Володя, например, рисовал ее без конца, сто портретов нарисовал, наверное. Или двести, я не знаю. И на всех портретах глаза – ее, а все остальное разное. В принципе все портреты на нее похожи, Володя – хороший художник. Но портреты разные получались. Эти портреты я потом увидел. А тогда я не думал, что ее вообще можно нарисовать. То есть я вообще ни о чем таком не думал, но если бы меня спросили, можно ее нарисовать или нельзя, я бы ответил, что нельзя. Потому что ничего, кроме глаз, не видишь.

В общем, она сидела, смотрела на меня, познавала мир и скучала. А Марк что-то громко говорил восторженной скороговоркой. Что она – его личное открытие, главное событие прошлого всесоюзного семинара, все как тогда обалдели – так до сих пор в себя прийти не могут, самый талантливый автор за последние пятьдесят лет, главный старается ее к нам переманить, но она почему-то отказывается, хотя

все, что пишет, идет с колес, в каждом номере по куску, а в двух – даже по три, ну, ничего, может, во время стажировки присмотрится, может, и понравится, может, и согласится… и очень жаль, что меня не было на том семинаре, давно бы уже познакомились, ну ладно, лучше поздно, чем никогда, так что – будьте знакомы. Наверное, он так и говорил. Тогда я вряд ли что-нибудь соображал. Но он и потом так часто это говорил, всегда одно и то же, что мне кажется, и в первый раз говорил то же самое.

– Рада познакомиться, – сказала она. – Я читала ваши книги. Очень хорошие. Особенно первая. Жаль, что вас не было на семинаре. Там было… забавно.

Марк захохотал и стал рассказывать, что самым забавным на семинаре было то, как четыре сотни мужиков ходили хвостом за ней одной, а через четыре дня она уехала домой, никому ничего не сказав, и четыре сотни мужиков искали ее и по всей редакции, и на чужих этажах, и даже в гостинице караулили, пока секретарша не сказала, что сама отметила ей командировку и она уехала, потому что ей здесь надоело.

Я эти семинары терпеть не могу. Приезжают стада графоманов, целую неделю от них никакого покоя. Работать невозможно, общаться с ними невыносимо, найти среди них кого-нибудь толкового – нереально. Все они члены Союза писателей, все они маститые, у всех у них по пять книг, все они привезли новую рукопись с целью немедленного издания следующей книги. Я эти семинары всегда избегаю. Луч-

ший способ – командировка. В прошлый раз командировки не было, так я решил просто дома отсидеться. День сидел, пытался писать, что-то не шло. Потом позвонил один приятель. Ну, не совсем приятель. Просто полезный человек. Он меня тоже как полезного человека расценивает. Поэтому позвал на шашлыки. У нас дачи почти рядом. В этих дачах не кто попало живет, вполне приличное общество. Поэтому я поехал. Вот там с Лилией и познакомился. Она из всего этого общества самая красивая была. Да еще родители такие. Я на своей машине приехал, потом между делом сказал, что у меня тоже тут дача рядом. Да она и без того на меня сразу стала поглядывать со значением. В общем, мы тогда же и решили встречаться.

Марк все что-то болтал про семинар, она все смотрела на меня, познавала мир и при этом скучала, а я почему-то думал о ее синей куртке на белом меху. У Лилии ведь точно такая же. Или не такая? Главное – мне-то какая разница? Никакой разницы. Но вот бывает так, что никакой разницы для тебя быть не должно, а узнать хочется – просто черти раздирают. И спросить как-то неловко. Интерес какой-то не мужской.

– У вас куртка из Японии?

Я думал, что это я просто подумал, а на самом деле – вслух сказал. Вот именно в этих случаях мама говорит: «Думать меньше надо». Я страшно обозлился. Когда я делаю глупости, я всегда страшно злюсь. И всегда на свидетелей этих мо-

их глупостей. Ну, это объяснимо, это ведь у всех так. Вот и сейчас я обозлился на свидетелей – на нее и на Марка. На нее, конечно, гораздо больше, потому что это ведь она пришла в той куртке. Точно такой же, как у Лилии. А Лилия говорила, что такая в Москве есть только у нее, больше ни у кого нет. Наверное, поэтому я и примотался к этой куртке. А то на кой черт она мне сдалась? Из Японии, не из Японии… Да хоть из Америки.

– Понятия не имею, – сказала она равнодушно. – Там внутри какая-то картинка, кажется, есть. На ней ведь должно быть написано, правда? Посмотреть?

Конечно, я обозлился еще больше. Да любая бы тут же сказала, что из Японии, и кто привез, и сколько стоила… А она, видите ли, понятия не имеет. Она, видите ли, вообще из такого круга, где уже можно не иметь понятия, из Японии это или вообще с Луны упало. Я вот таких всю жизнь терпеть не мог. Которые понятия не имеют, что почем и откуда что берется. «Посмотреть?» Ишь ты, еще и язвит.

– Ах, что вы, что вы, – сказал я шутовским голосом. – Как можно, как можно… Не извольте беспокоиться! Я сам посмотрю.

Вскочил и пошел к шкафу. Во-первых, потому, что обозлился. Но ведь я действительно должен был убедиться, что ее куртка – из Японии! Точно такая же, как у Лилии! Или убедиться, что не такая.

Если честно, наплевать мне было, такая или не такая. Это

я сам себе повод придумал. Чтобы потрогать ее куртку руками. Фетишист чертов. Но ведь Марк трогал! Они там, в своем кругу, все как-то проще к этому относятся. Верхнюю одежду снимают, подают. При встрече иногда даже целуются и обнимаются, совсем чужие. Хотя какие чужие, все-таки свой круг. Вот я и обозлился.

Я пошел к шкафу, а они за моей спиной опять заговорили друг с другом, и Марк противно захихикал в нос. Он умеет очень противно хихикать в нос. Но я не оглянулся. Я спокойно дошел до шкафа, не оглядываясь. Открыл дверцу, на внутренней стороне у дверцы зеркало было, вот в это зеркало я посмотрел на них – смотрят они на меня или не смотрят. Нет, они не смотрели. Они опять смотрели друг на друга и разговаривали о чем-то своем. Я даже сумел разобрать, что Марк спросил, почему она не хочет в Сочи. Она что-то ответила, совсем тихо, я не разобрал. Марк опять противно захихикал в нос и сказал, что она деревенская дурочка. Она что-то ответила, опять очень тихо. И тогда Марк заржал во всю глотку, как всегда. В общем, они говорили не про меня и смеялись не надо мной. Я думал, что успокоюсь, но разозлился еще больше. Даже не знаю, почему я тогда все время злился. Наверное, потому, что они оба вели себя так, будто ничего особенного не происходит. Как будто не видели, что я веду себя как сумасшедший.

Я посмотрел на ее куртку в шкафу. Точно такая же, как у Лилии. Только рукава завернуты так, что получились бе-

лые меховые манжеты. И из одного кармана торчат перчатки, тоже белые. Лилия в карманы своей куртки никогда ничего не клала, чтобы не деформировались. В общем, я стоял перед открытым шкафом, как дурак, и не знал, что дальше делать. Потом зачем-то снял плечики с ее курткой и стал рассматривать этикетку под капюшоном, с внутренней стороны. Наверное, она была такая же, как на куртке Лилии. Правда, я ту не рассматривал. Да и эту мне рассматривать незачем было, все равно я ничего не понял, там не по-русски было написано. Я зачем-то сунулся в этикетку почти носом, как будто от этого смог бы что-нибудь понять. От куртки пахло незнакомыми духами. Или не духами, а пряностями. Но тоже незнакомыми. Или, может быть, цветами, но это вряд ли. Если только сухими. Хотя я не знаю, как пахнут сухие цветы, не понимаю, с чего такое в голову пришло.

Рядом с ее курткой висела куртка Марка. А потом уже – мое пальто. Я снял свое пальто и повесил его рядом с ее курткой. А куртку Марка отодвинул в угол. Вел себя как настоящий сумасшедший. Потом посмотрел в зеркало на внутренней дверце шкафа. Они на меня не смотрели, сидели и разговаривали между собой. И Марк противно хихикал в нос не надо мной, а просто так, по привычке. Я закрыл шкаф и вернулся за свой стол. И стал смотреть на ее профиль. И слушать, как они между собой разговаривают. Совсем не помню, о чем они разговаривали. Думал все время: улыбается она или не улыбается?

Потом Марк обернулся ко мне и сказал:

– Придется тебе в Сочи ехать. Эта сельская девушка не хочет. Некогда ей, видите ли! Коровы не доены, сено не кошено, куры не кормлены!

Я думал, что она обидится. У Марка иногда шутки совсем неуместные. Она сказала:

– Не утрируйте. Я сказала, что дети не по́роты. Это грубое нарушение дисциплины. А все остальное может подождать. А в командировку я сейчас поехать не могу, правда не могу. Потом – куда угодно, хоть бы и в Сочи, но лучше бы, если бы поближе куда-нибудь. И посевернее. А стажировку я в июне отработаю, честное слово. И за эту неделю что-нибудь сделать успею. Я смогу каждый день забегать, только ненадолго, на пару часов. Письма, ответы, проверки, обзвоны – у вас же наверняка завалы накопились, правда? Два часа каждый день – да я вам за неделю столько порядка наведу, что вы до июня его не сумеете разрушить! И мелочи ка кой-нибудь понапишу, наверняка опять мелочи не хватает?

– Ладно, – сказал Марк. – Убедила. Тогда завтра обязательно приходи. К завтрашнему дню я тебе все подготовлю. Только тебе в одиночестве придется наши завалы разгребать. У меня завтра редколлегия, а живой классик в Сочи уедет.

– Нет, я завтра ехать не могу. У меня… мама плохо себя чувствует, не хотелось бы ее одну оставлять. Может, через недельку смогу.

Это я сказал. Это я отказался от командировки в Сочи.

Раз и навсегда. Потому что кто же будет ждать, когда я смогу поехать в Сочи? Да эту командировку любой из наших с руками оторвет. Да я уверен, что из-за этой командировки и так уже драка была. А я только что отказался.

– Правда? – Марк, кажется, удивился. Подумал и сказал: – Нет, ну если мама – тогда понятно. А я ведь тоже поехать не смогу. Ну ладно, что-нибудь придумаем.

– Я вас очень подвела? – тихо спросила она. Без всякого чувства вины, просто с интересом.

– От тебя вообще одни неприятности, – весело ответил Марк. – Пойдем уже к главному, что ли. Он тебя со вчерашнего дня ждет. Сама с ним будешь объясняться. Как хочешь, так и объясняйся.

– Никак не хочу, – равнодушно сказала она. И тут же поднялась и пошла к двери.

Марк вскочил и поспешил за ней.

Я остался на месте. Сидел и думал, что вот же, собирался уходить. Еще полчаса назад надо было уходить, мне в издательство сегодня следовало зайти. И еще думал, что зря я отбрехался болезнью мамы. Плохая примета. Надо бы ей прямо сейчас позвонить, поговорить просто так. Спросить, не надо ли за чем-нибудь в магазин зайти. А лучше бы – прямо сейчас встать и уйти. Погулять по морозу, подышать свежим воздухом. Голову проветрить.

Вот так я думал.

Но сидел. Никуда не шел, никому не звонил. Ждал че-

го-то.

Я еще не понимал, что уже дождался…

Александра уложила прочитанную часть верстки на журнальный столик, а папку с непрочитанной частью бросила на другой конец дивана и даже немножко ногой ее оттолкнула. Надо же, что ей подсунули… Нет, сама виновата – надо было смотреть, что хватаешь. Хотя если бы и посмотрела, все равно вряд ли что-нибудь поняла бы. Ну мужик, ну зануда, ну имя незнакомое. Все равно когда-нибудь пришлось бы читать. Верстка-то уже готова, да и руководящие указания Юлии Сергеевны были адресованы не кому-нибудь, а ей, Александре. Прямо какой-то злой рок. Это, наверное, расплата за то, что ее работа так долго и так безоговорочно ей нравилась. Да нет, что это она о работе в прошедшем времени? И сейчас нравится, и даже очень сильно, и даже безоговорочно… почти.

Надо просто немножко отвлечься. Заняться каким-нибудь приятным делом. Например, посуду помыть. Славка сказала, что часа через полтора будет нормальный напор воды, колонка зажжется. Прошло уже полтора часа? У-у-у, да уже почти три часа прошло! Никогда еще она не читала так медленно. Но и в этом, если присмотреться, можно найти свои плюсы. Во-первых, колонка зажжется. Можно не только посуду перемыть, но и в ванне поваляться. Во-вторых, уже можно накормить Моню, не чувствуя угрызений совести оттого, что, поверив его лживой морде, опять дашь зверю лишне-

го, что ему очень вредит, если верить Славке. Да и вообще пора выйти, размять ноги, понюхать хризантемы и сломить пару-тройку рябиновых веток. Рябиновые ветки в керамической вазе – красивее букета не существует в природе.

Да не важно, что делать, главное – перебить настроение. Создать в себе положительное… нет, сейчас модно говорить «позитивное» мироощущение. Сейчас модно говорить так, чтобы трудно было догадаться, что говорящий не знает родного языка. Даже в сентиментальных романах Александра в последние годы все чаще натыкалась на такое. Главный герой говорит главной героине: «Ты очень креативно организовала нашу корпоративную вечеринку, от спонсоров позитивные отзывы, и топ-менеджер никакого негатива не нашел, даже респект выразил». В первый раз Александра решила, что это хитрый литературный прием, оригинальное изобретение автора, чтобы без лишних объяснений показать убожество этого якобы главного якобы героя. Со временем сообразила: некоторым авторам просто трудно писать на родном языке. Они просто не могут перевести такие слова, как «креативно» и «респект», на русский…

Ой, а что это она так злится-то? Казалось бы, давно уже привыкла. Давно научилась либо переводить тексты на русский язык, либо возвращать их авторам. Без всякой благодарности. Она считалась очень требовательным и принципиальным редактором. И совершенно бесстрастным. А сейчас злится.

Пора, пора идти и создавать позитивное мироощущение хотя бы Моне, если не получается создать его себе. Вон как пес разоряется! Что бы там Славка ни говорила, но если зверь просит есть, то он действительно хочет есть, и нечего из дурацких воспитательных соображений морить его голодом.

Александра встала, немножко потопталась на месте, разминая затекшие ноги, немного помахала руками, повертела головой, потерла шею и пошла разогревать еду для Мони. А то так и будет лаять без передышки, работать не даст, вот ведь голосок… Таким голосом не есть просить, а врагов пугать!

Ой, а ведь пес на самом-то деле есть и не просит. Пес действительно кого-то пугает. И кто же у нас нынче во врагах ходит? Моня всех соседей знает, считает своими, и никогда не стал бы повышать голос ни на одного из знакомых, даже на байкера Гошу, хоть Гоша ему и не очень нравится. Стало быть, у калитки ошивается совсем чужой. Вот какой настырный этот чужой: видно же, что Моню боится, а все равно не уходит и не прячется, наоборот, похоже, старается привлечь к себе внимание, руками машет, даже что-то кричит. Что – не понятно, сквозь Монин лай и пароходный гудок вряд ли пробился бы. Может быть, помощь человеку нужна?

Александра встала коленями на подоконник и выглянула в форточку. Нет, все равно не разобрать, кто там за калиткой прыгает и машет руками. Солнце прямо в глаза светит,

яркое, как будто и не конец октября на дворе.

– Омон, молчать! – строго крикнула она. – Чего ты разорался, как на митинге? Дай человеку слово сказать!

Моня захлебнулся лаем, для порядка тявкнул последний раз, повернулся и потрусил к дому, на ходу поскуливая в том смысле, что он вовсе не собирался нарушать покой хозяев, он просто честно службу несет и кричать на него совершенно не за что.

– Славочка! – позвал из-за калитки знакомый голос. – Слав, выйди, а? Поговорить надо…

– Какая я тебе Славочка, – проворчала Александра, слезла с подоконника, накинула Славкину куртку и вышла из дома.

– Слав, привет! – громко и торопливо заговорил Витька, бывший Славкин муж, даже не пытаясь открыть калитку и почему-то все время оглядываясь, как будто слежки опасался. – Слав, я просто поговорить, чес-слово, ты сразу не кидайся, ты послушай сначала…

Моня шел рядом с Александрой, скалил зубы, прижимал уши и удачно имитировал голосом раскаты грома приближающейся грозы. Вот интересно, это что ж такое мог сделать Витька, бывший Славкин муж, чтобы Моня стал реагировать на него, как на врага? Раньше вполне лояльно относился, хоть особой дружбы между ними и не было.

– Здравствуй, Виктор, – холодно сказала Александра, подходя поближе. – Не думала, что ты способен перепутать с посторонним человеком собственную жену. Пусть даже и быв-

шую.

– Ой! – Витька покраснел и почему-то опять оглянулся. – Алексанна Пална! Здрасте… Нет, я не способен… Это потому, что издалека, а вы со Славкой очень похожи, прямо одно лицо, и вообще все, и куртка тоже… А Славочка где?

Витька говорил подхалимским голосом и не смотрел в глаза. Моня стоял неподвижно, но зубы скалил и уши прижимал. Александре это не понравилось.

– Виктор, ответь мне на один вопрос: почему Моня встречает тебя как чужого?

– Так это Славка сказала ему, что я чужой! – обиженно вскричал Витька и впервые посмотрел ей в лицо. – Представляете? Я – чужой! Она меня при Омоне ударила! Даже два раза! И камни в меня кидала! Ну вот, собака теперь и думает, что я Славке враг. А я не враг. Я просто поговорить хотел. А она вообще ничего слушать не хочет.

– А тебе есть что ей сказать? – с сомнением спросила Александра.

– Есть! – горячо сказал Витька, шагнул вплотную к калитке и даже положил на нее руки. Моня рыкнул, Витька руки убрал и отступил на шаг. – Алексанна Пална, видите, что делается? Теперь к дому вообще не подойти… И на работу к ней меня не пускают. И в универе я ее не могу найти. А мне обязательно надо с ней поговорить, обязательно! Она же все не так поняла! Алексанна Пална, хоть вы на нее повлияйте, что ли!

Александра молчала, разглядывала бывшего Славкиного мужа и думала: может быть, Славка действительно чего-то не поняла? Славка – порох, от любого пустяка взорваться может. А парень вон как переживает. Если бы не любил, так разве переживал бы? Даже слезы на глазах. Она вздохнула и наконец решила:

– Славка ушла, придет нескоро… Ну, пойдем в дом, расскажешь мне, что она не так поняла. Может быть, я пойму так, как надо. Заходи, заходи, Моня не тронет. Омон, спокойно, это друг. Омон, молчать! К ноге! Теперь заходи, Виктор. Иди рядом со мной, только руками не размахивай…

Александра прихватила пса за ошейник и пошла к дому. Витька шел с другого боку от нее, чуть отставая и опасливо косясь на собаку. Моня шел спокойно, не лаял, но на Витьку тоже косился, время от времени показывал зубы и имитировал голосом дальние раскаты уходящей грозы. Александра тревожилась: наверное, Витька все-таки сильно в чем-то виноват, если даже Моня это понял и зачислил его во враги. Ладно, сейчас она сама все узнает. Может быть, просто глупость какая-то получилась, ребята действительно не поняли друг друга, сгоряча разбежались, а теперь вот страдают оба.

– Алексанна Пална, я же ничего плохого не сделал, – устроившись за кухонным столом, сразу заговорил Витька проникновенным тоном. Но взгляд все-таки отводил в сторону. В сторону Мони, который разлегся на пороге кухни и смотрел на него. Не отводя взгляда. – Алексанна Пална, че-

ловек ведь должен думать о своем будущем? Ну вот, я и думаю… то есть о будущем семьи… то есть о Славке тоже. А она совершенно ни о чем думать не желает! Конечно, у нее все есть, и мать, и вы… Она не пропадет. А я, значит, все сам должен? С нуля? Вы же понимаете, в наше время с нуля невозможно! Тем более что-то серьезное! А если бы стартовый капитал, и связи, и вообще… Это же совсем другое дело, вы же понимаете… А Славка даже поговорить не хотела. Вообще взбесилась на ровном месте.

– Стоп, – сказала Александра. – Предисловие опусти. Излагай конкретно: в чем суть разногласий? Чего ты хотел, а Славка не хотела?

– Так я ж конкретно… – Витька поелозил в креслице, быстро глянул на Александру и опять уставился на Моню. – Я ж ничего плохого… Это ж все ради будущего… Вдруг дети, не дай бог, да и вообще… Надо уже сейчас на ноги становиться. В наше время чем раньше, тем лучше, вы же понимаете. А как начинать без стартового капитала? Вы же Славке не отказали бы? Ну вот. А Славка даже спросить не захотела. Взбесилась и сразу – на развод… И еще орала, что я сам делать ничего не хочу. А я как раз хочу, я ей про то и говорил. Но как без стартового капитала? Мне много и не надо, тысяч сто пятьдесят баксов хватило бы. Ну, может, двести. Для вас это не деньги, а я бы на ноги встал.

– А почему ты решил, что для нас это не деньги? – удивилась Александра. – Сто пятьдесят – двести тысяч долларов

– это для всех деньги.

– Да?.. – Витька напряженно задумался. – Ну, можно было бы пока и сто… Потом бы я уже раскрутился, потом бы уже я сам миллионы наварил бы.

– А как бы ты миллионы наваривал? Каким бизнесом ты собирался заняться?

– Да любым! – уверенно заявил Витька. – Главное – это стартовый капитал, вы же понимаете! Первый закон бизнеса: сначала вкладываешь в дело деньги, а потом деньги сами будут работать на тебя. Все бизнесмены так говорят.

– Подумать только, – удивилась Александра. – Никогда не слышала… Впрочем, вам, бизнесменам, видней. Но все-таки в какое именно дело ты собирался вкладывать деньги?

– Да какая разница, – с досадой сказал Витька. – Например, можно было бы дисками торговать. Я в музыке кое-что понимаю все-таки, у меня бы лучшие диски были, я бы и продавцов таких нанял, грамотных, а не кого попало… Или вот еще реклама – тоже выгодное дело. Или шоу-бизнес, например. Шоу-бизнес – это же вообще золотое дно! Там такие перспективы, что закачаешься! Или можно было бы ночной клуб открыть, только для избранных, вы же понимаете… Вход – сотня баксов, и выпивка самая дорогая, а в барменны можно негра взять. Круто будет, да? За одну ночь можно сколько тысяч заработать! Но ведь без стартового капитала – куда? И без связей, без своего круга… Вы понимаете? У чужих занимать – это все-таки как-то… ну, опасно. Вдруг

бизнес не заладится, заранее никто ж не может гарантировать… Поставят на счетчик – и аллес капут. А у родни – совсем другое дело. Вы бы у Славки ведь не потребовали деньги вернуть?

– У Славки не потребовала бы, – подтвердила Александра. – Но Славка у меня денег не просила.

– Ну, так это же все равно, если одна семья! – вскричал Витька с полной убежденностью. – Муж и жена – одна… одно целое! И интересы у них одни должны быть! И родственники тоже! Ее родня – это моя родня, вы же понимаете!

– Так вы ведь уже развелись, – напомнила Александра. – Вы теперь не одна семья. И насколько я знаю, интересы у вас разные. Не говоря уж о родственниках.

– Так ведь можно опять пожениться! – Витька испытующе глянул на Александру и тут же опять уставился на Моню. – Я готов все простить и принять Славку обратно. И клянусь: никогда ее не упрекну, никогда!

– В чем не упрекнешь? – не поняла Александра.

– Ну, как это… Ну, в том, что она меня кинула, – простодушно сознался Витька. – Не оправдала надежд. То есть не захотела помочь встать на ноги. Алексанна Пална, может, хоть вы на нее повлияете? Все-таки разведенка – это позорный статус. А так бы все поправили, и как ничего не было. Да я в принципе на бизнесе и не настаиваю. Я бы и так работать согласился, в какой-нибудь хорошей компании. Топ-менеджером там, или еще что-нибудь вроде того. По Москве та-

ких вакансий – море, я знаю. А у вашего мужа связей, наверное, миллион. Тогда и денег никаких не надо было бы, только если за квартиру… ну, снимать ведь придется. На собственную квартиру я пока не претендую. И у Славки в Москве перспектив больше было бы. Алексанна Пална, вы на нее повлияете? Может, хоть вы что-нибудь сможете сделать…

Александра помолчала, пару раз глубоко вдохнула-выдохнула и как можно спокойней сказала:

– Нет, не смогу. Ты уже сам сделал все, что мог.

– Вот так, значит, – тоже помолчав, начал Витька, поднимаясь во весь рост. – Вот так нынче олигархи с родней поступают… Послал бог родственничков… Ну, ничего, как аукнется…

Моня угрожающе зарычал и тоже поднялся во весь рост, меряя Витьку взглядом. Взгляд был пренебрежительный: Витька был все-таки не самым крупным представителем своего человеческого рода, а Моня – самым крупным представителем своего собачьего и прекрасно знал об этом. Витька тоже об этом знал, но забыл на нервной почве. Сейчас вспомнил – это было заметно по тону, которым он заговорил:

– Я только помириться хотел, Алексанна Пална. Семья все-таки… Я ведь Славку люблю, честно. Я готов ее простить. Так что вы, если что, так и скажите… Ладно, мне уже идти пора, у меня еще дела сегодня. Я пойду, Алексанна Пална?

Смотрел Витька не на нее, а на Моню.

– Омон, к ноге, – приказала Александра.

Моня подошел и встал рядом, не спуская глаз с Витьки. Александра придержала пса за ошейник, и Витька боком-боком прошмыгнул мимо, в дверях оглянулся, но Моня опять изобразил голосом раскаты грома приближающейся грозы, и Витька побежал дальше, уже не оглядываясь. В окно Александра видела, как он добежал до калитки, выскочил на улицу, крепко захлопнул за собой калитку и торопливо пошел прочь, быстро скрывшись за все еще плотными и почти зелеными кустами бузины у соседнего дома.

– Благодарю за службу, – сказала Александра Моне. – Теперь и ты иди погуляй. А я пока твой обед разогрею. И свой тоже. Уже полдень, а мы с тобой голодные, как собаки.

Моня согласился и неторопливо пошел во двор, а Александра поставила обе кастрюльки – с Мониным обедом и со своим – на огонь, зажгла колонку и принялась перемывать посуду, потому что именно таким способом она еще совсем недавно собиралась формировать у себя позитивное мироощущение. Наверное, сейчас для формирования позитивного мироощущения одного мытья посуды будет недостаточно. Придется еще вымыть полы, а потом посидеть в горячей ванне.

Нет, но вот откуда они берутся, такие козлы? То есть, конечно, карьеристы. Что в принципе сути дела не меняет.

2. День

Горячая ванна – самое действенное средство от всех неприятностей. Валяешься, нюхаешь миндальное мыло, как токсикоман, и ни о чем не думаешь. Кроме одного: нельзя закрывать кран, а то колонка перегорит. Вода все время шумит, это немножко неудобно, потому что не слышно, что там в доме делается. Хотя что плохого там может делаться? Моня на боевом посту. Надежный защитник, не зря его назвали Омоном еще в младенчестве, когда никто и подумать не мог, что беспородный клубок щенячьего пуха, в одно прекрасное утро обнаруженный бабулей Славки на крыльце под дверью, со временем вымахает в огромного зверя. Грамотные собачники подозревали в Моне голубую кровь кавказских овчарок. Кто-то сказал: волкодав. Еще кто-то сказал: это одно и то же. Все вместе сказали: переросток. Очень уж крупный для любой породы. Требуется серьезное воспитание, а то такой крупный зверь может оказаться опасным. Тем более что характер этого клубка пуха проявился в первый же день. Славкина бабуля налила в миску молока, хотела поставить миску в кухне на пол, а Славка перехватила ее руку: не надо приучать зверя жить в доме, будем кормить пока на веранде, там и коробку для него поставим, временный дом, пока будку во дворе не сделали. Щенок увидел, как его благодетельницу хватает за руку какая-то наглая пигалица, за-

слонил бабулю своей мелкой тушкой и, оскалив молочные зубы, вполне по-взрослому зарычал на Славку.

– А я что говорила? – возмущенно сказала Славка. – С ним в одном доме вместе жить – это все равно что… с ОМОНом!

Моню пришлось воспитывать. Этим занялась Славка. Сначала, пока Моня был клубком пуха, она таскала его по всяким собачьим учителям за пазухой, укутывая шарфом и защищая курткой от холода и ветра. Она думала, что Моня нежный и теплолюбивый зверь – ведь на Кавказе тепло. Собачьи учителя отказывались учить такого мелкого, пусть, мол, сначала достигнет школьного возраста. Славка обзавелась справочниками по собаководству, перезнакомилась со всеми собачниками в округе, ходила смотреть, как тренируют служебных собак на специальной площадке, – и в результате еще до достижения школьного возраста Моня превзошел множество собачьих наук, и когда собачьи учителя наконец-то согласились с ним заниматься, то Моня уже знал гораздо больше любого учителя. Так говорила Славка. Моня был со Славкой полностью согласен, но на занятия ходил охотно, потому что там его неизменно хвалили, а доброе слово и кошке приятно, кто ж этого не знает…

Александра решила, что уже вполне сформировала в себе позитивное мироощущение, и вылезла из ванны. Теперь не забыть бы как следует расчесать волосы, если они высохнут нерасчесанными, то потом голова будет – дикобраз отдыха-

ет. И колонку выключить. И воду перекрыть. Она давно отвыкла от такой техники, и все необходимые операции требовали некоторого умственного усилия. Бытовая техника в их с Максимом квартире не требовала никаких умственных усилий, поскольку имела функцию, которую Максим называл «защита от дурака». Потому что эта техника была рассчитана на американских и западноевропейских потребителей. Так Максим говорил.

Позитивное мироощущение заметно окрепло.

Александра сделала умственное усилие, выключила колонку, дождалась, когда остынет вода, завернула краны – и в наступившей тишине услышала сердитое жужжание своего телефона. Ой, надо же было его с собой в ванную взять! Наверное, Максим уже несколько раз звонил! Она там формировала позитивное мироощущение, а он о ней волновался! К тому же у него зубчик! Ему нужна моральная поддержка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.